

Владимир Хрулёв

**Новое безумие
(начало)
в России**

Владимир Хрулёв

Новое безумие (начало) в России

«Издательские решения»

Хрулёв В.

Новое безумие (начало) в России / В. Хрулёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963661-4

Подавляющее своей большей половиной россиян не хотят признаться в любви к власти. Но их обязывают к этому — не к любви, то хоть к уважению. И это просто мерзко видеть, слышать и понимать.

ISBN 978-5-44-963661-4

© Хрулёв В.
© Издательские решения

Новое безумие (начало) в России

Владимир Хрулёв

Отдельные эпизоды событий и фактов в его президентстве

Памфлет

© Владимир Хрулёв, 2019

ISBN 978-5-4496-3661-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо эпитафии

«Хуже всего было, когда Гитлер впадал в экстаз. Иногда мне приходилось приносить ему материалы, необходимые ему для бесед.

Было удивительно, с какой быстротой этот человек, окончивший лишь начальную школу, пробегал бумаги, запоминая в то же время почти дословно их содержание. Он был в состоянии продолжительное время нормально говорить о самых различных вещах. Однако, внезапно впадая в исступление, он извергал дикий поток слов, жестикулировал, как безумец, и бесчинствовал так, что тряслись стены. При этом из его рта во все стороны летели фонтаны слюны. У тех, кому при таких припадках безумия не удавалось сохранить внутреннюю улыбку, как это делали некоторые из моих наиболее интеллигентных и флегматичных английских журналистов, душа неизбежно уходила в пятки. От этого одержимого фанатика можно было всего ожидать. Не без оснований ходили слухи, что иногда он от ярости кусает ковры и гардины. Было странным и то, что он успокаивался так же неожиданно, как и вскипал. После подобного припадка он сразу же продолжал нормальную беседу.

Хотя во время этих встреч я почти не раскрывал рта, иногда мне казалось, что он обращает на меня особое внимание. Остальные участники бесед в большинстве случаев были иностранцами. Возможно, он осязал мой исконный немецкий дух. Во всяком случае, его глаза просверливали меня насквозь, и я сидел, как загипнотизированный кролик. Старый циник Раумер, которому я иногда рассказывал об этом, советовал мне в следующий раз сконцентрировать взгляд на переносице Гитлера. Это, утверждал он, безошибочное средство смутить подобного истерика. Однако хорошая идея Раумера приходила мне в голову тогда, когда было уже поздно. В решающий момент меня по-прежнему охватывало оцепенение, и мозг выключался.

Барон фон Путлиц

1

А пресс-секретарю казалось, пока его никто не видел, к счастью, Президент беспокойно спал у себя, в Ново-Огарёве, отмерив и проглотив с удовольствием пятьдесят ровно граммов виски из бутылки янтарного цвета, удобно посидев в кресле из крокодиловой кожи и покайфовав в собственном своём благополучии золотисто-янтарного цвета, рассматривал хрустальный стакан, поворачивая его на свету, будто земля вращалась возле солнца, отягощая руку стаканом с внушительным содержанием свинца. И через некоторое время залезал под балдахин и умиротворённо засыпал. Ненадолго.

Но!!!

Бутылка была откупорена ещё раз, и он собственноручно налил себе ровно ещё полстакана и уже выпил эти полстакана с таким удовольствием, с каким не пил даже своё любимое пиво «Жигулёвское» на похмелье. Но сегодня он не похмелялся, а просто выпил эти вторые полстакана виски, потом ещё полстакана – за победу хоккеистов над хоккеистами Германии в финале Олимпиады. И, конечно, захмелел. И сейчас важно расхаживал по домашней спальне, изредка присаживаясь или в кресло, или в кровать под балдахин поверх одеяла, рассматривая эту бутылку, ничем не примечательную, казалось бы, но такую дорогую – в 20 000 долларов. Всё примеривался важностью к кому-то из американцев, которого заприметил во вчерашних переговорах о ракетах среднего радиуса действия.

Эту бутылку виски привёз ему в подарок Сечин Игорь Иванович и откровенно признался, что эта бутылка, Volivar (цена – \$20,000), была выпущена только в одном экземпляре. В полном смысле штучная. В 2006 году её приобрёл какой-то американец за 20 тысяч долларов. Считается, что это самая старая в мире бутылка виски. Этим и привлекла Сечина, что она такая единственная. Но она до сих пор продаётся как «единственная» для тех, кто может заплатить за фейк.

Владимир Владимирович – наш читатель не забыл, что мы продолжаем его, нашего Президента, иногда величать полным именем – не знал, что ему предпринять в свободный от забот день. И он снова принялся кружить по спальне с хрустальным стаканом в руке, забыв о фарфоровом китайском блюде, на котором оставались нетронутыми итальянские оливки, марокканские мандарины и большая медовая груша из Тавриды. А рядом, что-то похожее на шкатулку из ценного дерева. Но это к разочарованию Владимира Владимировича оказалось не шкатулкой, а просто ящичком для кубинских сигар Montecristo. Сам рассмотрел, удостоверился и разочаровался. Но разочарование длилось совсем ничего, Владимир Владимирович понял подарок друга – тот просто хотел угодить, помня молодые годы. Просто, а приятно, всё к месту. Сигарница подарена без сигар – одариваемый не курил, просто красиво смотрелась, поскольку была выполнена из дорогого дерева. Но сама по себе она вещь видная, хотя по своему назначению ему не понятна – это явно не произведение искусства, но будет ему желанна. Как женщина, предположим. Или... Не поймёт... Тогда обида? Нет, этого не может быть! Тем более сейчас с женой расстался законным образом в суде и не оставил её в обиде ничем. И он, наш Президент, своей жене бессловесной упырём не казался, всё только разведчиком, да не просто разведчиком, а не иначе как резидентом советской разведки в Дрездене. За такое положение она его боготворила все долгие годы, вплоть до начала президентства на родине. Это как мы знаем об их отношениях между ними, а что говорит она, пока нам неизвестно, но я не думаю, чтобы женщина, хоть какая, говорила о нём что-то приятное. Не поверю в это! Разве его чемпионка из среднеазиаток взахлёб хвалит – и не нахвалится.

А ведь упырь наш Президент, не иначе. Так вот, об упырях.

Упырь, вопреки расхожему мнению, – это не наименование какого-то конкретного существа. У славян упырями назывался широкий спектр злонамеренных созданий, которые чаще всего при жизни были людьми, но либо совершили какой-то чудовищный поступок и после смерти обратились чудовищами, либо стали жертвой внешнего воздействия (в частности – колдовства).

Зачастую под упырями понимают утопцев и плавунов. Фактически это утопленники, не погребённые, как следует, умерщвлённые по чьей-то злой воле либо покончившие жизнь самоубийством посредством целенаправленного погружения в воду и дальнейшего не всплытия на поверхность. Такие упыри достаточно сильны и проворны, но их тела уязвимы даже к обычному металлу, хотя серебро предпочтительнее.

Считается, что упырь не подойдёт к человеку, у которого на запястье висит красная шёлковая лента. Правда, символизм этого утверждения теряется в пучине веков. Более опасными

считаются упыри, которые были погребены, но по тем или иным причинам покинули свои могилы. У славян таковыми после смерти могли стать только весьма нехорошие люди, потому что таковых ингумировали (эксгумировали), а не кремировали. Мертвецы не только сильны физически, их ещё и весьма непросто одолеть, потому что обычный металл не способен нанести им ощутимого вреда. С мертвецами боролись солью, серебром, огнём, заклинаниями. При этом важно понимать, что зачастую упырь восстает из могилы по чьему-то приказу, то есть им руководит чья-то воля, а управление телом мертвеца производится посредством колдовства. В таком случае идеальный вариант избавления от упыря – нож между лопаток его хозяину. Но, разумеется, это непросто, так как упыри стопроцентно преданны, в них уже нет ничего человеческого. По представлениям наших предков восставшие из могил мертвецы – это просто машины, идеально приспособленные для тяжёлой физической работы или убийства. А впрочем, кто из них более опасен, это для нас не столь важно, когда опасны до крайности и те и эти.

По некоторым легендам упыри едят людей, по другим – лишь пьют человеческую кровь подобно вампирам. В этом отношении образ упыря тесно связан с образом Гуля – существа значительно более сильного и опасного. Также есть версия, что, помимо прочего, упырь может стать колдун, который перед смертью не успел никому передать своё мастерство, но подобные легенды появились не ранее X – XII веков, они базируются на принципах, чуждых славянскому жизненному укладу, и связаны, по всей видимости, исключительно с христианской эзотерикой. Одним словом, это что-то совсем уж не хорошее, но страшное и таинственное. Если они из древности нашей, то надо вспомнить эту древность. А вот она, наша древность, перед нами. Учёный мир хорошо её знает. Что родились и рождаются уж точно не в аду. Вот вопрос. Тогда где родились? В каком месте? Кто их матери и кто их отцы? Рюрик, Синеус и Трувор. Трое! Не триумвират ли? С чего и начала властвовать в России чужая власть, как своя – с триумвирата, не с единоначалия! Первая в истории славянского государства! Триумвират, соединённый узами родства и взаимной пользы. И простирался этот триумвират, захватив земли современной Ленинградской области, Эстонии, Новгородской и Псковской областей. Это произошло в 862 году. А в 864 году умирают два брата, Синеус и Трувор. И старший брат, Рюрик, соединил их земли со своей, образовав Монархию, да ещё и другие славянские земли отдав в управление эти земли своим назначенным людям. Таким образом, Рюрик стал создателем феодальной системы государственного управления на Руси. Но и это ещё не всё, что произошло важного примерно в это же время при зарождении России. Двое земляков Рюрика, эти же варяги из племени русского, по имени Аскольд и Дир, чем-то недовольные своим самодержцем, покинули его и отправились из новгородской земли искать счастья где-нибудь в Византии и, проплывая по Днепру мимо высоких берегов, увидели маленький городок и спросили жителей: «Кто здесь правитель?» Жители им ответили, что городок построили три брата, скончавшиеся давно, и городок платит дань хазарам. Вот и вся история города Киева до того как Аскольд и Дир завладели им и начали властвовать как россияне, как государи.

Таким образом, варяги основали две самодержавные области в России: Рюрик на севере, Аскольд и Дир на юге. Самодержавные но не единоначальные. Одна область явилась триумвиратом, другая дуумвиратом – изначально.

А объединил эти две территории славян под управлением варягов Олег, которому Рюрик вручил правление после своей смерти, как и воспитание своего сына Игоря. Это было в 879 году.

Олег захватил и присоединил к своему государству немало новых территорий. Но желания завоевателя стремились всё далее. Прослышав о каком-то варяжском государстве на Днепре, часто называемым Малороссией, Олег с дружиною спустились по Днепру до Киева и, не желая воевать с соплеменниками, вызвали Аскольда и Дира к днепровским кручам под видом купцов. Олег сказал им: «Вы не князья и не знаменитого рода. Но я князь, а это Игорь,

сын Рюрика!» С этими словами Аскольд и Дир пали под ударами мечей соотечественников. А Аскольду и Диру и их дружинникам кем они познались в смерти, как не упырями?

Так была организована Киевская Русь – соединением северных и южных племён славян под управлением варягов. И завоевание Киева сказалось на развитии Киевской Руси особенно: судоходный Днепр, удобность иметь сообщение хоть для торговли, хоть для войны с разными государствами: с греческим Херсоном, с хазарской Тавридой, с Болгарией, с Византией, – восхитили Олега и, восхищённый, он воскликнул: «Да будет Киев матерью городов российских!» А мы помним (правда, не все): «Идите ко мне, бандерлоги!» Какое отвращение от этого призыва! И не гнусно никому слышать подобное!

2

И это никак не отлипнет от нашей власти, кто бы в ней ни состоял и жил своей властной жизнью, давая пример к подражанию.

Но и не надо забывать, что мы победили во Второй мировой. По-простому – уж очень нужна была победа в общей сложности всем.

Как выяснилось, чтобы прикрываться ею от всех и от всего, что давало повод сомневаться в чём-то недостойном при её достижении. И происходило всё так же незаметно, чтобы усомниться в чём-то недостойном, как и в наше время, только без наглядного недостойного поведения на людях. Вся власть изначально была достойна до самой своей смерти в лицах или до самого своего газетного осуждения назначенных врагов, что вызывало ещё более откровенное признание в любви всех советских людей. Со стороны ушедшего времени это звучало наивно и глупо, но это если мы будем рассматривать прошедшее время со стороны нашего времени. А читатель пусть окажется в прошлом, чтобы любить и признавать нашу власть, не покажется ли он сам себе не только наивным, но и просто никому не понятным безмозглым дурачком, не способным отойти от гадания судьбы с помощью морской свинки на послевоенном рынке у инвалида войны или от предложенной ему игры мошенников в три стаканчика: «Верчу, кручу, тебя запутать хочу».

Где-то невдалеке шелестела городским утренним шумом столица. Сквозь окна доносились голоса в крик командиров сводных батальонов и полков, выстроившихся на Красной площади, готовых к параду Победы. Генералиссимус стоял у окна и рассматривал внутренний дворик первого корпуса Кремля. Дворик был пуст и немного запущен в военные годы, дни и месяцы не засаживалась цветами клумба посередине, не убирался в зимнее время снег, а из-под снега вытаяла брошенная мебель и другой непонятный хлам. Дождь лил не переставая, шумели водосточные трубы, потоки воды, вырывающиеся из них, выбивали углубления под собой и оставались долго не замеченными службой бытового хозяйства и озеленения капитана Кузнецова, когда-то чемпиона Советского Союза по фехтованию.

Генералиссимус поморщился от неприглядного вида, не ужасного, но всё же не порадующего глаз ни Черчиллю, ни Рузвельту, если бы они очутились перед окном его кремлёвской квартиры или в этом узком коридоре, напоминающем купейный вагон поезда, где три комнаты с окнами на Арсенал соединены анфиладой через двери между собой, а коридор, скорее, был предназначен для случайных посетителей, охраны и редкой прислуги. Генералиссимус как раз рассматривал этот дворик из коридора своей квартиры из окна, что во двор.

Куранты пробили вкрадчиво полчаса десятого и стихли, оставив шум дождя праздничному городу и опустевшим улицам вокруг Красной площади, где люди спрессовались под ненастьем на бетонных трибунах и ждали появления Его, как явления.

Ждали и знали точно, что он появится. Пожалует. То ли себя показать, то ли самому пожаловать к показу. Одним словом, всё это будет одним действием, прецедентом и останется прецедентом в истории России на все годы, которые протянутся как годы в Смуте.

Из первой комнаты, ближней к входу, которая было похожа на приёмную, гардеробную и личную служебную Николая Сидоровича Власика, всё вместе, вышел сам генерал и спросил с любовью вкрадчиво:

– Носочки шерстяные надели, Иосиф Виссарионович?

– Шерстяные, шерстяные, – ответил Генералиссимус, скрывая улыбку от генерала, подчинительным тоном, словно строгому отцу. – Конечно, шерстяные.

– И телогреечку не забыли?

– Так с тобой же и надевали. И не забыли ничего.

– Хорошо, хорошо. И плащ этот уж больно хорош, Иосиф Виссарионович. «Большевичка» шила и не хуже английского этот плащ получился, совсем не хуже, а даже лучше. Лежит ну точно впору, что в груди, что по росту, что по плечу. И цвет такой нашёлся – никому такого цвета не найти, а мы нашли! Бирюзовый цвет, как мне объяснили на «Большевичке», или что-то похожее на цвет моря ранним утром.

Генералиссимусу льстило отношение Николая Сидоровича к нему, нежное, почти отцовское – доброе, ласковое отношение, словно к сыну. И было ему тепло в этой телогрейке из овечьей шерсти и шерстяных шотландских носках.

– Может, рюмку коньяку в честь праздника, Иосиф Виссарионович? Погода скверная, не дай бог простудитесь.

– Нет, не буду. Я тепло одет.

– Ну, дело ваше. Но я думаю, не помешает в непогоду-то.

– Нет, нет.

Перед Сенатской башней, в самой башне и за стеной, его ждала толпой его элита: генералы и министры, ковавшие Победу, его приближённые, с которыми он советовался, как повернуть дело на полях сражений или как повлиять и на кого в кабинетах Лондона, Вашингтона, Стокгольма, Цюриха или Торонто. Все умеренно пили водку и закусывали бутербродами из чёрного хлеба с салом и малосольным огурцом.

Его встретили восторженно. Окружили на почтительном расстоянии.

– За Победу! – кричали все дружно. И чокались солдатскими кружками, принесёнными с собой на тризну по погибшим. – За вас, Верховный Главнокомандующий! За ваше здоровье!

А Власик стоял уже незаметным за спиной. Генералиссимус глянул на него, и Николай Сидорович понял – не мешать общаться с победителями. Тогда сам генерал Власик налил в приготовленную для Генералиссимуса солдатскую кружку малую толику водки, лишь плеснул на дно кружки столько, что чуть дно покрыла, приготовил солдатский бутерброд и торжественно преподнёс:

– Откушайте, Генералиссимус Советского Союза, за Победу над жестоким врагом! – И бутерброд протянул на белом платочке.

И снова раздались приветственные выкрики и их услышали на трибунах – трибуны на площади притихли и насторожились. Генералиссимус взял кружку за доньшко, выдохнул по-русски и опрокинул каплю водки в себя. Поставил кружку на место и откусил с аппетитом кусок хлеба, не забыв его понюхать.

– За русского солдата, за русский народ! – сказал с опозданием.

Импровизированный стол занесли в башню, Генералиссимус жевал хлеб с салом, малосольный огурец придавал аппетит простой человеческой еды. Это было непередаваемо и необъяснимо, как это вкусно.

Стрелка приближалась к десяти. Оставалось пара минут, не больше, и Парад начнётся.

На следующий день, проснувшись поздно, Иосиф Виссарионович лежал и вспоминал этот вкус русской закуски – ржаной хлеб с салом и малосольным огурцом. Захотелось повторения вчерашнего да и запить боржоми – вот чудесный завтрак на сегодня. А уж харчо – это

к обеду. Но невозможно забыть вкус ржаного хлеба с салом и малосольным огурцом, эта русская закуска запомнится навсегда.

Генералиссимус лежал на кушетке под белой овчиной, выделанной из кавказской бурки под одеяло, и наслаждался теплом. Снова хотелось хлеба, сала и малосольных огурцов и он протянул руку, чтобы дотянуться до кнопки звонка. Казалось, Власик ждал вызова за дверью.

– Доброе утро, Иосиф Виссарионович.

– Доброе утро, Николай Сидорович. Принеси-ка зелёного чаю, чтобы желудок заработал, а потом я встану, чтобы умыться. Что у тебя появилось за вчерашний день? Наши герои как праздновали? Особых случаев не наблюдалось? В комендатуру много попало?

– Из высших офицеров никого, все достойны были, а кто из тех, кто пониже, из сержантского состава, да из рядовых были задержаны комендатурой генерала Артемьева числом более двухсот – более дерзких. Просто пьяных отпустили под утро с богом. Потому что проспались да и дома ждут жёны да родня. Да и правильно, чего их держать, горе с радостью перемешалось у них в голове, вот и не знают как себя вести. Правильно поступил генерал Артемьев, с пониманием.

– Огнестрелов не было?

– Нет, огнестрелов не было, мне доложили бы. У меня на этот счёт есть сведения от моих людей. Доложили бы. Не беспокойтесь, Иосиф Виссарионович. Сейчас чай вам принесу большую кружку, без сахара.

– Да, вот ещё что. Вчера закуска была хороша. Сможешь такую же мне сделать сейчас?

– Не вопрос, Иосиф Виссарионович. Только я предложу разнообразить меню в этом направлении.

– Как это?

– На сегодня я закажу для вас два бутерброда. Один вчерашний, с салом и малосольным огурцом, другой, новый для вас, с бланшированными кусочками селёдки и тоже с малосольным огурцом. Это на сегодня, через полчаса вместе с горячим чёрным чаем с сахаром и с лимоном. А завтра, после повторного приёма участников парада в Георгиевском зале, вы отведаете суточных щей и рыбацкой ухи. Как вы на это смотрите, Иосиф Виссарионович?

Генералиссимус не смог сдержать улыбки:

– Неси чай с бутербродами, А о щах и ухе поговорим завтра.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

– Сегодня в Кунцево надо ехать. Давно не был. Сообщать никому не надо.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Сейчас Рублёво-Успенское шоссе известно как место обитания самых богатых россиян. Это царская дорога, это дорога Ивана Васильевича Грозного, это дорога самых богатых россиян, ею пользовались все цари России и все правители, не наделённые царским саном, – Юсуповы, Шуваловы, Голицыны и прочие. Боярыня Морозова владела здесь сельцом Жуковкой. Художник Суриков изобразил её как противницу реформ патриарха Никона.

Поначалу в Зубалове жил и Иосиф Виссарионович с женой Надеждой Аллилуевой, а рядом жил и Феликс Дзержинский. Но потом Иосиф Виссарионович переехал на Кунцевскую дачу. Она пришлась ему по душе, и он так и остался на ней до конца своих дней.

Они покинули Кремль ближе к ночи, после того как Вождь посетил торжественный приём в честь участников парада Победы, вместе с Власиком, Поскрёбышевым и сыном Василием.

Василий был пьян. И они вошли в кабинет вдвоём, предупредительный Власик допустил отца с сыном к примирению, хотя слабо надеялся, что Василий поймёт строгость отца и бросит пить, хотя бы на людях и ежедневно.

Время близилось к полуночи. За окном шумел ветер, гоняя потоки дождя по даче. Но тепло заполонило кабинет от камина и уют проник в душу Вождя, захотелось сына погла-

дить по головке, спросить какие успехи в школе, готов ли к поступлению в военное училище и стать командиром Красной Армии. А сын, уже сам генерал, шатаясь, вломился в кабинет следом, уселся в кожаном глубоком кресле, жуя сталинскую папиросу «Герцеговина Флор», прищурил на отца глаза не по-сыновьи и ожесточённо спросил:

– Лаврентия приближаешь, отец? Своего врага, запомни это, отец.

Избегая глаз Василия, его взгляда в упор, Вождь смотрел на его погон на плече, какой-то помятый и потускневший в золотом отливе, и не видел его лица. А в лице сына что-то мелькало, дрожало, подёргивалось мышцами, словно умоляло отца о чём-то. Но отец овладел уже минутным своим смущением и говорил сыну что-то в назидание твёрдым и беспощадным голосом. Василий почти не слышал слов. Но каждый звук ранил его душу и причинял невыносимую боль. Хотелось закричать, но боялся, что отец не поймёт его тревог, примет за мальчишество, забыв или не придавая такого значения его поведению на фронте либо на парадах – там, где сын жил самостоятельной жизнью, без пригляда Берии и его тупоголовых людей в соединении с доброжелательным отношением Власика.

Трезвый Василий оставлял свои мысли не увидеть подлых намерений окружения отца. Но пьяный становился отважнее. Но! – тогда пропадать буду я вслед за отцом, он – первым, я следом, думалось ему. Но вдруг бессилие наваливалось вместе с мыслями о неминуемой гибели, тоска о незаслуженных словах отца, которые врезаются в сердце как нож, и отец уходил с этими произнесёнными им словами вдаль от него, в ту невозвратную даль, куда уходят люди мёртвыми от живых. И сам отец сделался будто мёртвым. И он закричал, от вида этого лица и сам сделался мертвенно похожим на отца. Кричал благим матом и бежал к дверям, за которыми были всё те же, кто хотел им обоим смерти – сначала отцу, потом сыну.

И вдруг наступило молчание и оцепенение всему. Только почему-то слышалось одно лишь мерное медное и скрипучее тиканье маятника на стенных часах, надвигающееся на кунцевскую дачу со стороны Москвы, от Спасской башни – скрипели и перезванивались куранты Спасской башни, скрипели шестерёнки противно и зло и вдруг ударял колокол мелодичным обманым звоном.

Василий остановился у самых дверей. И медленно оглянулся. Отец стоял и глядел вслед. Его взгляд был ласков.

– Если не боишься ничего и не желаешь выпросить отцовское прощение, то каким образом собираешься мои заветы хранить? Ведь ты сын мой, Василий. Брось пить и пьянствовать, удостой себя моим сыном, без этого не могу тебя любить – ведь ты нездоров, Вася.

Василий молчал.

– Что молчишь?! – крикнул отец, ударил кулаком по зелёному сукну стола так, что опрокинулся подстаканник с чаем. – Берегись, Василий! Знаю, что добиваешься своего – хочешь под моим крылом укрыться со своими безобразиями от моих друзей и соратников. Ведь и они не желают тебе плохого.

– Желают, отец, очень желают, только этого и желают! Только этого ты не видишь! – Василий зло усмехнулся в сторону. – Только поздно увидишь. И мне никуда будет деться, только вслед за тобой – в могилу.

Василий зарыдал как ребёнок. И отец видел его откровенные, правдивые слёзы. Стало не по себе. И Василий видел жалость отца к нему и он зло порадовался своему мщению за свою покорность и бесконечное упрямство. Теперь ему казалось, что он сильнее отца и сильнее всех его услужливых и трусливых чиновников. Тогда он ещё раз криво усмехнулся ему в лицо, ожидая от отца несправедливости.

– Вон! – тихо прошипел Вождь, скрывая бессильное бешенство.

Василий, по-прежнему не скрывая своей кривой усмешки, похожий на зверёныша, отпугнутого чужой самкой от добычи, тихо и бессильно застонал, не смея перечить ни одному его слову, ни одному велению. И он вышел, посчитав себя изгнанным.

Непонятнее всего было то, что Лаврентий Павлович уверяет всякого, с кем заговорит на эту тему, что делает всё по приказанию Вождя. В глаза восхищается, а за спиной всякий раз, как произносят это имя, плюёт, приговаривая в сторону, чтобы не услышали лишний раз и не донесли: «Полководец! Белобилетник, а не полководец! Что он себе воображает?» А сегодня Вождь сказал ему непонятными словами нечто, над чем задуматься стоило:

– Весь мир исполнен горечи и страданий. Начиная с самого детства, с шестилетнего возраста, я не знаю, что такое радость и спокойствие в душе. И не сомневаюсь, что жизнь готовит мне большие неприятности в будущем. Готов ли я к ним? Не знаю.

Сам Лаврентий Павлович уже с конца войны не сомневался в себе, что Вождь ему ненавистен и боялся это как-нибудь обнаружить прилюдно. И, конечно, для него не было секретом, что Вождь знает о его тайных отношениях к нему и, наверное, предпринял все меры обезопасить себя от столь близкого и неприятного существования. Но вот какие это меры, где их искать и как их, обнаруженных, дезавуировать, заставить Вождя отказаться от мер безопасности против него, преданнейшего цепного пса его жизни и здоровья, его дум и чаяний – было бы и ему спокойней. Ведь и Лаврентий Павлович знал прихоти и возможности, самые низкие, не только своей команды, но и самого Вождя. Они не смогли обойти его. Как они смогли бы обойти, когда все эти расстрельные списки, санкционированные ими, любимыми народом бонзами, находятся у него – и не в сомнительных копиях, а в оригиналах за старательной подписью под приказом или под требованием «расстрелять» и чьи-то рядом «согласен» и ещё рядом подписи, подписи, подписи согласных расстрелять, рядом с ними, что требовали или приказывали просто «расстрелять». Бывало, у самого Лаврентия Павловича сердце сжималось от этих доказательств зверских преступлений, но и быстро отпускало. По мере привыкания дело становилось привычным. Да и сам к этому был немало причастен. Как-то даже любопытство проявил, кто же у нас самый, самый из всех? И архивные дела ему свидетельствовали: Генрих Ягода причастен непосредственно к расстрелам 2347 человек. Менжинский – к 76159 человек, Дзержинский – всего лишь к 8291 человека. О боже! Неужели я расстрелял 86051 человека?

Это целый город мертвецов! Но вот каков мой предшественник, Николай Ежов! Этот коротышка, этот сексуальный маньяк погубил 681692 человека с сентября 1936 по ноябрь 1938 года, за неполных два года, и столько погубил душ! Боже праведный, отведи от меня мою вину. Ведь сколько их, бонз советских, согласились расстрелять этих людей в таком количестве! Взгляни, боже, вот их согласительные подписи: Молотов, Маленков, Шверник, Каганович, Хрущёв и даже Великий Вождь немало присутствует своей подписью. И даже, более чем удивительно, если всмотреться в эту благообразную рожу Михаила Калинина, то и он туда же – расстреливать согласен! Далекое немало их согласились расстреливать десятками тысяч! И ведь прожили «достойную жизнь»! Не какую-нибудь, а достойную!

Было в России и другое время, не менее жестокое, но явное и ни от кого не скрываемое, когда царь Иван Васильевич по-иному властвовал. Царь начинал кипеть гневом ещё в юные годы, когда бояре изменяли ему, единственно добываясь изменой достичь сладкой жизни, потом изменил ему славный воевода Андрей Курбский, сбежав от жестокостей царя в Литву.

Чудище это – зверь дикий и зловонный, множущий себя в злодействе человеческом, в изменах людских и подлостях, в пустословии избитых фраз, ломающий судьбы людские во мраке и тлении. А если что проявится не предвиденное промыслом божьим и просветлится среди свинцовых туч, так это для того, чтобы дать передохнуть измученному народу и передохнувшего снова ввергнуть в пучину терпения и уныния. Когда и где он зародился в нашей земле – никто уже не упомнит.

Иван Васильевич трудно подошёл к окну из глубины комнаты, задёрнутым по случаю траура чёрными плотными шторами, и раздвинул их на обе стороны, впустив в темноту озарение – не просто божий свет, что высвечивал убого комнату свечами, а свет живого дня, отчего в комнате сделалось ещё более прискорбно и наглядно, ибо божий свет дня высветил за спиной высокое и широкое царское ложе, на котором лежал покойный человек – женщина под дорожной простынёй, прикрытая до самого кончика носа. То лежала Анастасия, первая жена Ивана, прихватив внезапную хворь, долго мучившаяся перед смертью.

России, пожалуй, никогда не везло с исторически удачными властителями на протяжении такого периода, который был бы точно выбран для этой личности как единственно правильный и единственно принятый сложившимся на тот момент истории общественным мнением. Никогда! Властители всегда были как бы не ко двору или не ко времени. В них не совпадало сопряжение сторон, т.е. они не подходили друг другу, как не подходят друг другу шестерёнчатые колёса разницей диаметров или количеством нарезанных фрезой зубьев.

Мы не будем глубоко зарываться во времени веков. Начнём с Ивана Васильевича Грозного, в царствование которого и забеременела Смутой Россия – с середины шестнадцатого века.

Более трёх лет Елена Глинская, супруга Великого князя государя Российского Василия Ивановича, вопреки желанию супруга и народа, не имела детей. Но пришло время и какой-то юродивый объявил ей, что вскоре она родит мальчика широкого ума и наделённого двойными качествами, оттого несущего собой добро и злодейство. И 25 августа 1530 года царица родила «славного добром и злом в нашей истории» мальчика. Пишут современники народившегося Ивана, что в самую минуту рождения земля и небо потряслись от неслыханных громовых раскатов и гадатели Великокняжеского двора, вероятно, сумели дать объяснение такому неслыханному случаю в пользу новорождённого. И не только отец, Великий князь, но и вся Москва, и вся Россия по словам летописца были в восторге от народившегося наследника.

А через три года умер царь Василий, а перед смертью тихо сказал игумену Троицкому Иоасафу: «Отче! Молись за Государство, за моего сына и за бедную мать его! Поручаю вам особенно: молитесь о младенце Государе!» И Василий скончался, а сын его оставался готовиться к своему правлению на Руси.

Со смертью Василия в людские души российский засел страх: кто людям скажет, что будет с государством? Ведь никогда ещё Россия не оставалась без управления, если забыть о вековой давности. Никогда у неё на глазах не оставался столь юный Правитель с его ненавистной матерью ненавистного литовского рода. И она, Елена Глинская, не могла угодить народу в делах внешней политики да и явная её любовь к князю Ивану Телепнёву-Оболенскому возбуждали к ней презрение. А коли так, то Бог увидел и услышал укоры людские – и Великая

Княгиня, юная летами, цветущая здоровьем, вдруг скончалась 3 апреля 1538 года без видимых причин. Внезапная смерть Елены предвещала движения новых фактических властителей государства, и они появились. И среди них первый боярин Василий Васильевич Шуйский, потомок древних князей Суздальских. Сей властолюбивый князь объявил себя главою правления уже в седьмой день кончины Елены и на глазах юного Ивана велел схватить его надзирательницу боярыню Агриппину и её брата, любезного царице князя Телепнёва, – заковать в цепи и заключить в темницу, несмотря на слёзы и вопли беззащитного Ивана.

До семнадцати лет юный царь жил перед постоянными сварами бояр друг с другом, постоянными мелкими дворцовыми переворотами. А Шуйский властвовал и Россия знала его как убийцу князя Бельского. Но слава Богу, Россия недолго терпела его тиранство. Князь умер в 1543 году. Но Шуйские оставались у власти – вместо одного к власти приблизились трое. Но и тут, слава Богу, Иван начал чувствовать тяжесть Шуйских и приходить в смысл происходящего. Да и дядя Ивана, князя Юрий и Михайло Васильевичи, внушали тринадцатилетнему племяннику, что для него настало время объявить себя самодержцем и свергнуть хищ-

ников его власти. Многие бы поддержали Ивана, недовольные дерзким насилием Шуйских. Но и Иван был уже, как говорится, в теле и готов был ко многому. Он созвал первых лиц государства Российского и твёрдо сказал им: «Уповаю на милость божью и на святых заступников земли Русской, имею намерение жениться». И тут же объявил им другое намерение: «Ещё до своей женитьбы исполнить древний обряд предков и венчаться на царство». И окольничьи, и дьяки, разъезжавшие по России в поисках невесты, нашли для государя юную Анастасию из боярского рода Захарьиных. Но не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали этот выбор царя. И прервав свадебные пиры, царь с царицей ходили пешком в Сергиеву Лавру и провели там первую неделю поста, ежедневно молясь у гроба Святого Сергия Радонежского.

Эта набожность Ивана, ни искренняя любовь к супруге не могли укротить его пылкой беспокойной души, его беспричинного гнева, приучения к шумной праздности его забав, что сделались во дворце грубостью и неблагочинием. Он любил быть царём всегда, везде и для всех.

Великий пожар Москвы 1547 года озлобил его, и он впервые увидел, что нет мудрости в правлении государством и что нет той должной любви народной, которую он ждал и готов был поначалу питать своими добрыми делами. И видя, что народ готов к мятежу и поневоле делался орудием Глинских, охотно удалился в село Воробьёво, как бы для того, чтобы не видеть и не слышать народного отчаяния. На самом-то деле он и его вельможи при нём боялись народного мятежа. В царствование своё Иван расширил государство, пределы которого отделились в Сибирь, а торговые пути лежали в Среднюю Азию. К намерениям Ивана относится его замысел обогатить Россию плодами искусств чужеземцев. Тогда, в том времени, впервые в театре истории появились донские казаки, защитники России и её южных границ, признавшие верховную власть России.

Но злодейства в судьбе Ивана Васильевича было столько, что не уместить его в судьбы наших иных правителей. Не вдруг, конечно, расвирепела душа, некогда благолюбивая, успехи добра и зла постепенны и поочерёдны, но как проникнуть в сердцевину души, чтобы увидеть в ней борение совести с мятежной страстью; и никто не увидел, и никто не понял причины столь жестокого тиранства, когда подозрение вызывало лишение собственности, ссылку, оковы и темницы и даже очень часто смерть. Разве могли увидеть в Иване Васильевиче царя доброго и справедливого жителя Пскова, Твери, Великого Новгорода, большинство которых было уничтожено по доносам клеветников и завистников? И гибли-то люди по доносу, за нескромное слово или по пустому подозрению в измене Москве.

И Москва цепенела в страхе. Людей давили, топили, сжигали, а царь свирепел, его кровопийство не могло утолить жажды крови необъяснимой для незамутнённого ума. И не находится исправления для тирана и мучителя. И не найдётся, как ни ищи в суде человеческом и тем более в суде Божьем. А из тех времён, помещённый в наши дни наш Властитель был бы, конечно, помещён в психиатрическую клинику, но, скорее всего, его постигла бы участь Пол Пота. Но это как мерзко даже вглядываться сейчас из наших покосившихся окон в домах барачного типа. Но это совершенно другой уровень типа общественно-государственных отношений. И я решаю – не мешать жить Ивану Васильевичу в своей исторической эпохе, как в разнообразии монархии. Ведь и в нашей эпохе найдутся злодеи не менее жестокие. И находятся, и пребывают на виду, не боясь своего сраму, наверное, до скончания веков. А меня интересуют изменники, которых было немало на Руси.

Что их подвигло на измену Отечеству? Как ответить на это?

Ужас, наведённый жестокостями царя на всех россиян, привёл к бегству многих из них в чужие края. Среди них были князь Дмитрий Вишневецкий, знатные сановники Ивана Васильевича Алексей и Гаврила Черкасские. Бегство в чужие земли не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественных законов бежать от мучителя, но горе падёт на гражданина, который мстит Отечеству, путая тирана с Отечеством! Так молодой воевода

ещё в юных своих годах ознаменовал себя славными ранами в битвах за царя и Отечество, не разделяя их, под Тулой, под Казанью, в степях Башкирии и на полях Ливонии, некогда любимец Ивана, но царь невзлюбил его и вписал в свой чёрный список Государственных преступников. Это был князь Андрей Курбский. Он решился на бегство, зная свою судьбу и решительно, не боясь смерти за задуманное спросил у своей жены, желает ли она видеть его мёртвым или расстаться с ним живым навеки? Жена ответила, что жизнь мужа драгоценнее её собственной жизни. И Курбский бежал из России царя Ивана Васильевича в Литву, где принял его воевода короля Сигизмунда.

В порыве своих чувств он написал письмо к русскому царю, а верный ему слуга взялся доставить письмо и сдержал своё слово. Подал запечатанную бумагу царю на Красном крыльце в Кремле со словами: «От господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича». Царь в гневе ударил его в ногу острым жезлом, кровь брызнула из раны. Гонец Курбского молчал. Тогда царь велел ему читать письмо. И тот начал читать. «Царю некогда светлomu, от Бога прославленному – ныне же, по грехам нашим, омрачённому адскою злобою в сердце, прокажённому в совести, тирану беспримерному между самыми неверными владыками земли. Внимай! В смятении горечи сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзал ты сильных во Израиле, вождей знаменитых, данных тебе Вседержителем, и святую, победоносную кровь их приял во храмах Божьих? Разве они не пылали усердием к царю и Отечеству, Вымышляя клевету, ты верных называешь изменниками, Христиан чародеями, свет тьмою и сладкое горьким! Чем прогневали тебя они предстатели Отечества? Не ими ли разорены Батыевы царства, где предки наши томились в тяжёлой неволе? Не ими ли взяты твердыни Германские в честь твоего имени? И что же воздаёшь нам, бедным? Гибель! Разве ты сам бессмертен? Разве нет Бога в правосудии Вышнего для царя? Не описываю всего, претерпенного мною от твоей жестокости: ещё душа моя в смятении; скажу единое: ты лишил меня святые Руси. Кровь моя за тебя излившая вопит к Богу. Он видит сердца. Я искал вины своей, в делах и в тайных промышлениях; вопрошал совесть, внимал ответам её и не ведаю греха моего перед тобой. Я водил полки твои и никогда не обращал хребта их к неприятелю: слава моя была твоею. Не год, не два служил тебе, но много лет, в трудах и в подвигах воинских, терпя нужду и болезни, не видя матери, не зная супруги, далеко от милого Отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалясь: Богу всё известно. Ему поручаю себя в надежде на заступление Святых и праотца моего, Князя Фёдора Ярославского. Мы расстались с тобою навеки: не увидишь лица моего до дня Суда Страшного. Но слёзы невинных жертв готовят казнь мучителю. Бойся и мёртвых: убитые тобою живы для Всевышнего; они у престола Его, требуют мести! Не спасут тебя воинства; не сделают бессмертным ласкатели, бояре недостойные, товарищи пиров и неги, губители души твоей, которые приносят тебе детей своих в жертву! Сию грамоту, омоченную слезами моими, велю вложить в гроб с собою и явлюсь с нею на суд Божий. Аминь. Писано в граде Вольмаре, в области Короля Сигизмунда, Государя моего, от коего с Божьей помощью надеюсь милостей и жду утешения в скорбях».

Иван выслушал чтение письма и велел пытать вручителя, он должен был узнать все обстоятельства побега и оставшиеся связи Курбского в Москве. Вручитель письма по имени Василий Шибанов не рассказал царю ничего, в ужасных муках нахваливал своего господина и радовался мысли, что за него умирает. Такая твёрдость изумили Ивана и в укор Курбскому говорит об этом в ответном письме.

«Во имя Бога всемогущего, Того, Кем живём и движемся, Кем Цари Царствуют и Сильные глаголют, смиренный Христианский обет бывшему Российскому Боярину, нашему советнику и Воеводе, Князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотевшему быть Ярославским владыкой.

Почто, несчастный, губишь свою душу изменой, спасая брренное тело бегством? Если ты праведен и добродетелен, то для чего не захотел умереть от меня, строптивного владыки

и наследовать венец Мученика? Что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень: блажен, кто смертью приобретает душевное спасение! Устыдился раба своего, Шибанова: он сохранил благочестие перед Царём и народом, дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти. А ты от единого моего гневного слова, тяготишь себя клятвою изменников; не только себя, но и душу предков твоих, ибо они клялись великому моему деду служить нам верно со всем их потомством. Я читал и разумел твоё писание. Яд аспида в устах изменника; слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы к врагу нашему, если бы мы не излишне миловали вас, недостойных! Я иногда наказывал тебя за вины, но всегда легко, и с любовью, а жаловал примерно. Ты в юных летах был Воеводою и советником Царским; имел все почести и богатство. Вспомни отца своего: он служил в Боярах у Князя Михаила Кубенского! Хвалишься пролитием крови своей в битвах: но ты единственно платил долг Отечеству. И велика ли слава твоих подвигов? Когда Хан бежал из Тулы, вы пировали на обеде у Князя Григория Тёмкина и дали неприятелю время уйти восвояси. Вы были под Невелем с 15000 и не умели разбить четырёх тысяч литовцев, говоришь о Царствах Батыевых, будто бы вами покорённых: развеешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани)? Но чего нам стоило вести вас к победе? Когда Бог даровал нам город, что вы делали? Грабили! Горе дому, коим владеет жена, Горе Царству, коим владеют многие! Византия пала, когда Цари начали слушаться Эпархов, Синклитов и Попов. Бесстыдная ложь, что говоришь о наших жестокостях! Не губим Сильных, Сильные служат нам. Казним одних изменников – и где же щадят их? А предок ваш, святой Князь Фёдор Ростиславич, сколько убил христиан в Смоленске? И что такое представители Отечества? Святые ли, боги ли, как Аполлоны, Юпитеры? Доселе Владетели Российские были вольны, независимы: жаловали и казнили своих подданных без отчёта. Так и будет! Уже я не младенец. Имею нужду в милости Божьей, Пречистой Девы Марии и Святых Угодников, наставления человеческого не требую. Хвала Всевышнему: Россия благоденствует, Бояре мои живут в любви и согласии, одни друзья, советники ваши, ещё во тьме коварствуют, Угрожаешь мне судом Христовым на том свете, а разве в этом мире нет власти Божьей? Вы думаете, что Господь Царствует только на небесах, Дьявол в Аде, на земле же властвуют люди. Нет, нет, везде Держава Господня и в этой и в будущей жизни. Ты пишешь, что я не увижу лица Эфиопского, так какое же горе мне! Какое бедствие мне! А сам Престол Всевышнего окружаешь убиенными мною: вот новая ересь! Так положи свою грамоту в могилу с собою: этим докажешь, что и последняя искра Христианская умирает с любовью, с прощением, а не с злобой. К завершению измены называешь Ливонский город Вольмар областью Короля Сигизмунда и надеешься от него получить милости, оставив своего законного, Богом данного Властителя. Ты избрал себе Государя лучшего. Великий Король твой есть раб рабов, удивительно ли, что его хвалят рабы? Но умолкаю, Соломон не велит плодить речей с безумными: таков ты действительно. Писано в Царствующем городе Москве, лета мироздания 7072 (1564) Июля в 5 день».

Это письмо царя Курбскому довлеет над смелыми презрительными к тирану словами – так и должно быть, кажется, если тиранство отравило суть России и не могло позволить появиться ничему более наряду с собой – только изменам и преступлениям.

А переписка не закончилась, она продолжалась и стала казаться обоим, тирану и изменнику, и оправданием друг перед другом и обвинением друг друга. Но царь считает, что он прав, потому что – царь. Это проступает не сразу, его правота в споре двоих, большим количеством аргументов – свидетельствами историческими, богословскими толкованиями и грубыми насмешками, что хоть и недостойно, но в те времена было вполне доказательно. Но Курбский вполне Герой поначалу, другого он не заслужил, когда прямо в глаза, хоть и на расстоянии, нашёл в себе силы назвать тирана тираном; впрочем мне и в голову не могло прийти найти в его поступке что-нибудь похожее на робость перед Царём – тираном. В отношениях этих двух людей, конечно, более интересен Курбский, потому что в храбрости перед злодеем он видит

верх человеческих достоинств, которые на него и надеты как одежда – это он такой в характере. А царь тем и характерен, что он царь, тем более что этот царь – Иван Васильевич.

Но они не застыли в молчании друг перед другом, они говорят, и кажется, что не наговорятся. «Я невинен и бедствую в изгнании, – пишет Курбский царю, столкнувшись с трудностями. – Добрые жалеют меня: следственно не ты! Подождём немного: истина не далёко».

А чего ожидал Курбский от истины? Победы над Иваном? Как? В каком виде?

До настоящего момента мы можем только осуждать беглеца только за язвительность писем, за наслаждение неминуемой мести, за удовольствие терзать мучителя смелостью слов и, пожалуй, за безразличие к судьбе доброго усердного слуги, решившегося на жертву. Ничего более! А если ничего более, то он – не преступник, не враг.

Но, увлечённый страстью борьбы с тираном, Курбский лишил себя преимущества быть правым в историческом, так я думаю, споре с царём о добродетели и не на словах был уличён, когда превратился из изгнанника жестоким гонителем в преступника и изменника России. Покинув Россию Курбский без угрызений своей совести мог бы найти своё убежище от гонителя в Литве, но, к несчастью своему, сделал непоправимое: соединил смелые слова свои с оружием против России, не задумываясь, продав свою честь и русскую душу польскому королю Сигизмунду, советуя, как погубить Россию. И скоро 70000 литовцев, ляхов, прусских немцев, венгров, волохов с уже предателем Курбским вступили на Русскую землю, а крымские татары с Девлет-Гиреем вступили в Рязанскую область. Но измена Курбского с его замыслом не достигла желаемого, Россия выстояла своими дружинами во главе с любимцами государя Алексеем Басмановым и его сыном Фёдором, а также князем Петром Щенятевым и князьями Иваном Пронским и братьями Петром и Василием Оболенскими-Серебряными. И подвиги Курбского против России состояли всего лишь из разорения сёл и монастырей. «То сделалось против моей воли, – писал он Ивану, – нельзя было удержать хищных ратников. Я воевал моё отечество так же, как Давид, гонимый Саулом, воевал землю Израильскую».

В то время как Курбский всё более и более увязал в измене, Ивану всё более и более сопутствовала удача. А измена Курбского произвела лишь кратковременную тревогу в Москве. Но сердце Ивана всё более кипело гневом и волновалось подозрениями к его Вельможам и он снова видел предательство там, где его не было.

Царь организовал собственную дружину и выбирал телохранителей из князей, дворян, детей боярских в количестве 1000, названных опричниками. В этой опричнине вместе с ним были Алексей Басманов, Малюта Скуратов. Князь Афанасий Вяземский и другие его любимцы. А 4 февраля 1565 года начались казни мнимых изменников, которые будто были связаны с Курбским и вместе с ним умышляли убить царя, царицу Анастасию и его детей. Первой жертвой опричнины стал славный воевода князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский, потомок древних князей Суздальских и знаменитый участник завоевания Казанского царства. Ему надлежало умереть вместе с сыном Петром, семнадцатилетним юношей. На казнь отец с сыном шли, держась за руки, и никто из них не мог уступить первенство у плахи. Но, наконец, отец сказал: «Не зрю тебя мёртвого!»

И началось такое!

Вместо 1000 царь взял на службу 6000 телохранителей и взял с них присягу служить ему верой и правдой, а на самом-то деле всех их приводили под очи тех избранных людей, которые были определены Иваном, и они отбирали этих молодых людей, отличных не достоинствами, но только удальством, распутством и готовностью на всё к чему их назначит царь. Они должны доносить на изменников, не водить дружбу с теми, кто не записан в опричники, и даже не знать ни мать, ни отца – только государя. За свою службу Иван дал им землю и дома и всю движимую собственность, отобранную у прежних владельцев, людей знатных, заслуженных, израненных в битвах, которые, если не лишились жизни, то зимою с жёнами и детьми шли в иные отдалённые места России.

Но это зло Иваново было маловажным в сравнении с другим. Скоро увидели, что Иван предаёт всю Россию в жертву своим опричникам. Опричники всегда были правы в судах, на них не было ни суда, ни другой управы. Опричников звали кромешниками тогда – как бы извергов тьмы кромешной. И кромешник мог безопасно для себя теснить, грабить соседа и в случае поданной соседом жалобы брал пеню за бесчестье. Что-то подобное начинается и в наше время, когда клевета назначена судебной защитой власти, как и закон о митингах, которым преследуются беспорядки на улицах, проспектах и площадях.

Но продолжим.

А казни были нескончаемы. Но иногда и такое бывает, когда перед ним не лебезили. Таких людей было ничтожно мало. Но они всё-таки были.

Царь в окружении некоторых бояр и множества опричников входит в Соборную церковь Кремля, где им встречается митрополит Филипп. Иван приблизился к митрополиту и ждал благословения. Но тот смотрел на образ Спасителя, не говоря ни слова. Наконец бояре сказали: «Святой Владыко! Это государь, благослови его!»

А Филипп отвечал, но вот что: «В этом виде, в этом одеянии не узнаю Царя Православного; не узнаю и в делах Царства... О Государь! Мы здесь приносим жертвы Богу, а за алтарём льётся невинная кровь Христианская. Отколе солнце сияет на небе, не видно, не слышано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно! В самых неверных, языческих Царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям – а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства и совершаются именем Царским! Ты высок на троне, но есть Всевышний судья наш и твой. Как предстанешь на суд Его? Обагрённый кровью невинных, оглушаемый воплем их мук? – Ибо сами камни под ногами твоими вопиют о мести! Государь! Вещаю как пастырь душ. Боюсь Господа единого!»

Царь ударил жезлом о камень и сказал страшным голосом: «Чернец! До сих пор я излишне щадил вас, мятежников, отныне буду таковым, каковым вы меня нарицаете!»

И уже на другой день состоялись новые казни. Их было не остановить. И в числе первых и знатных погиб князь Василий Пронский.

А казни не кончались. Но когда-то должны были кончиться. Наконец Иван достиг высшей степени своего тиранства и мог ещё в безумстве губить свой народ, но уже не мог этим изумить Россиян, никакими новыми изобретениями своей лютости. Невозможно читать без трепета о всех адских вымыслах тирана, обо всех способах терзать человечество. А мы больше не будем писать об этом, уж больно много чести отдаём лютному зверю.

Только добавим, что голод и мор помогали тирану опустошить Россию. Это было в 1572 году. Между тем супруга Ивана родила сына Уара – Дмитрия, безвинного виновника дальнейших, на долгие годы, бедствий России. Иван не отбросил от себя мысли жениться на племяннице английской королевы, устранив от себя супругу, Марию Нагую.

Но и жизнь, данная ему Богом, оказалась не вечной. На что он надеялся, но долголетие в царствовании, подходило неминуемо к концу. В это время на небесном небосклоне явилась комета, Царь выходил на крыльцо и смотрел на неё, а однажды, изменившись в лице, произнёс: вот знамение моей смерти! Говорят, что неминуемую смерть предсказали ему астрологи – 18 марта, на что Иван им приказал молчать, а сам продолжал ждать своего смертного часа.

Он созвал бояр и велел писать завещание, в нём объявил наследником престола сына своего, царевича Фёдора, избрал знаменитых Вельмож в советники и блюстителей Державы – облегчать царствование юному Фёдору, младенцу Дмитрию с матерью Марией Нагой назначил в удел город Углич и вверил воспитание Бельскому.

А 17 марта ему полегчало, и он сказал Бельскому: «Объяви казнь астрологам за их басни о моей смерти». – «Но день ещё не миновал», ответствовали Бельскому астрологи. «Исходя из сегодняшнего дня, это чистой воды клевета. Да разве можно такое предсказывать властителю!»

«Не стало государя!» – как всё-таки случилась долгожданная смерть? И завопил народ, заплакал навзрыд, обливаясь неутешными слезами, платя долг усопшему монарху, хотя и до крайности жестокому. На третий день совершилось погребение памятное в своём величии в Архангельском соборе Кремля. И земля не отвергла тирана.

Он и в гробу не казался старцем. Много силы в теле оставалось с юности до предсмертных дней. Был он высок, плечист не опущенными плечами, но широкими и какими-то стрельчатыми и прямыми, что угадывало в них силу недожинную, тонкая, но сильная, жилистая шея легко держала не пропорциональную весу и росту малую и узколицую голову покрытую редкими, уже сивыми волосами, на узком и скуластом лице выделялись ястребиный нос и светлые серые глаза, но уже старческие и злобные, почти дикие. Но всё равно весь его облик был облик царя и почему-то царя, подходящего только для России. Когда он гневался, то гнев его начинался с верчения головы из стороны в сторону, и весь его образ походил на царский орлиный герб, охраняющий необъятность России. Но верчение вдруг останавливалось, и, выбрав заранее кого-то для расправы, взгляд его упирался в искомое – и человек прощался с жизнью, моля Бога проститься побыстрее. Таков был тиран, что предназначен был судьбой для России. То есть здесь Россия в эти десятилетия забеременела Смутой, давая пример поведения всем людям – изменами и преступлениями, ложью, злобой и жестокостью. И такое время началось при нём и продолжалось сразу за порогом кончины тирана. И мы ещё не изжили его, это время. Ещё судьба не смилоствилась над нами, наделяя нас лишь одними насмешками.

4

Надо признать, что в мире был установлен американский миропорядок, поскольку экономика США главенствовала в мире, и она определяла свою политику, что естественно. Советский Союз был слаб против экономики США, но занимал достойное место где-то рядом, на виду, но не более. Но вот сейчас Россия захотела установить свой миропорядок, не признаваясь открыто, что это будет миропорядок по-русски. По-путински.

Надо же какой идиот! Не шизофреник ли? Только и подумаем. Вслух не произнесём.

А что мы видим и слышим сегодня? Наш союзник Турция помидорами не отделается, долго будет помнить месть России за сбитый самолёт. Странно всё это. Влезла в военный конфликт и будет мстить ещё и за убитых российских солдат. Более чем странно. Так война идёт на сирийском фронте? Или наши самолёты там бомбят объекты, и кто-то даёт гарантию бомбить без потерь? Сам же наш Президент говорит нам, что войны без потерь не бывает. Помните, читатель, о потерях в Донбассе? Но тут, в случае с погибшим российским лётчиком, Россия мстить будет персонально за погибшего лётчика. Не правда ли, как он похож на... не скажу и не намекну даже. Нелогичен он, если говорить лояльно и по-доброму. Так вот, читатель. Перед вами книга, написанная мной на основе моих же записей в блоге, подаренном мне одним из издателей. Всё очень просто. Я не напрягался в воспоминаниях, я записывал свои мысли вслед за событием или где-то рядом находясь, например, увидев в новостных программах на телевидении, когда кортеж с Президентом направлялся на инаугурацию в Большой Кремлёвский дворец по совершенно пустым улицам Москвы, когда рейтинг его достигал небывалых величин. И странно, и вопросительно было, и обидно видеть это. А где восторженные толпы обожателей? Где этот плебс, который голосовал за него, любимого? Где члены партии «Единая Россия» и где её Народный фронт? Наконец, где все эти наши уличные зеваки, мечтающие вживую увидеть проезд императора на коронацию? Их никого нет, по причине, которую мне не нужно знать, не хочу. Но в данном случае кто-то кого-то избегает видеть вплотную.

И здесь же помнится восторженность людей Парижа, приветствующих нового Президента Франции. И все увидели эту разницу. Или это не оскорбление высокой персоны? Или это не пренебрежение людскими чувствами? Я его не оскорблял ни взглядом, ни словом. Я смот-

рел на эту картину, и у меня, естественно, возникали вопросы, что это за показательный проезд по совершенно пустынным улицам Москвы на инаугурацию в Кремль? Как это объяснить?

О господи, какая ты была спокойная, ничем не нарушаемая жизнь в достатке советского человека тогда, когда я был молод, и кругом меня все были молоды и ничего большего не хотели, как бриолина себе на волосы, чистого бритья с горячим компрессом на лицо, футбольного боления на беснующихся трибунах и танцев с нестрогими девушками после непродолжительного знакомства. Как пахла жизнь и люди – дождём, гвоздикой, пирожками с повидлом, ливером или горохом за пять копеек! Нежная моя жизнь! Ты не говорила со мной строго и не поступала со мной строго, ты всегда подчёркивала, а я всегда соглашался с тобой, что у нас только деловые встречи происходят, вроде беседы клиента с адвокатом, оставалось только оговорить гарантии услуги и их стоимость. Глупышка жизнь придумала какую-то жизнь, где решила вести себя как королева, пусть на шахматной доске, где, кроме самой королевы, один король, охраняемый офицерами. Ладно, нет иных офицеров на шахматной доске, но нет и пешек, образующих ровное давление в ровном строю в защиту короля. Всё в защиту короля!

А вдуматься, люди, даже мои ровесники, послевоенные мальчики и девочки, не в силах понять, что основной закон жизни людской не иначе как несправедливость. И где тут справедливость, если всё в защиту короля, точно так, как когда-то? Жизнь продолжается, а принципы всё те же. А против принципов я бессилён, поэтому и живут они во мне, эти принципы. То есть я принципиален, потому и лоялен ко всякому беззаконию.

Но любовь к ближнему оказалась простой выдумкой людей, со ссылкой на Христа. Эта выдумка от бессилия человека что-то изменить или просто обмануть. Так проще – говорить в пустоту, потому что если начать копать в этой придумке человека, можно докопаться до другой мысли – человек один на земле и самый близкий, кажущийся другом, в других обстоятельствах оказывается врагом, а если врагом, то и распорядителем твоей судьбы и даже жизни. Враги – это всегда близкие тебе люди или хотелось бы тебе, чтобы до ссоры они были близки и вдруг принялись завидовать тебе, чтобы в результате враждовать. И ты такой же, как все. Как все, уверяю тебя, только ты ещё мерзотнее. Ты как сопля, ничего особенного в сопле нет, кроме того, что она, сопля, превосходный биологический материал. Но как опасна, как отвратительна и как вся в брезгливости находится всегда.

Но иногда, когда был особо доволен собой, спрашивал в ту пустоту, которая осталась позади:

– Что увидел во мне Сулла, чтобы приблизить? Тот малиновый пиджак поверх белой водолазки? И тёмные очки, что делало меня неотличимым от мафиози? Или, скорее, я был в этом одеянии мачо. И Сулла меня высмотрел в шестёрках у Спартака во всём этом попугайском наряде? Ему ведь тоже нужно было заметное окружение. Неужели? Ах, какая тишина, какое молчание установилось испокон веков на этой земле. А сейчас всех нас разделяет тягота немоты – и не страшно, и не тревожно. И ничего не жалеет Гладиатор, юрист и секутор, русский, окончивший юрфак Ленинградского университета, то ли ученик, то ли учитель самого Спартака.

Извините, читатель, конечно, Собчака, если соблюдать изложение в реальности событий. Собчак окончательно ещё не забыт, а вот Спартака нет нигде, даже на коробках цветных карандашей.

И в тяготах немоты оказались русские люди, за что и возлюбил их Господь и пока хранит их как зеницу ока, покрывая невидимо своей дланью, чтобы не узрели верующие скорби своей и печали от антихриста и не поверили бы, что антихрист царствует в родной земле. Пока хранит Господь людей и землю. Пока.

Но! Пока ещё хранил Господь Россию, Гладиатор был занят другим. Его обнажённый актёрский нерв подсказывал ему, что надо торопиться, надо успеть сказать побольше, потому

что сценический триумф может в любой момент кончиться. Устанет публика, например. Потухнет свет. Или антрепренёр этого авангардистского театра вдруг уснёт и не проснётся к финалу. Много всяких пакостей поджидает вдохновенного артиста. Пока все они преодолены неожиданным успехом игры на рояле в защиту амурских тигров. К примеру. Или беспримерным полётом в стае стерхов. А о разводе с женой народ разве забыл? Кто старое помянет – тому глаз вон. И не будем старое помянуть. Старое и к тому же смешное.

Итак. Однажды что-то случилось страшное у него под носом – напротив Кремля, где он засел в полночь и ждал события в Царской башне, но ничего не разглядел в туманной ночи, лишь услышал сухие выстрелы ПМ на Москворецком мосту, похожие на щелчки пастушьего кнута, уж очень слабые, чтобы отнести их к преступлению возле Бастиона власти. И эти звуки его не взволновали. Он досидел в укрытии до наступления какой-то нервозности на мосту, когда стали слышны голоса людей, визг тормозов машин, куда вмешивались пьяные голоса посетителей «Балчуга». И он возвратился в свой дом, в Большой Кремлёвский дворец, не надеясь на благополучный исход доверенного дела. Но зря он не верил событиям. Всё совершилось так, как он просил.

В одном американском университете в это время проходила международная конференция «Писатель и права человека», если мы говорим, не переставая всё об этом. Мне рассказал об этом бывший житель Донецка и новорожденной России, в настоящее время проживающий в Окленде. Так вот, один из семинаров этой конференции был посвящён цензуре. Слово «цензура» в русском языке относится к женскому роду. Английскому уху это, может быть, и смешно, но именно так обстоят дела в нашем «великом-могучем-правдивом-свободном», как в своё время прокламировал русский язык Иван Тургенев.

Итак. Среди отвлечённых понятий существует половое различие. Например, радость – это женщина, а восторг – мужчина. Существуют также и слова, аморфно проплывающие по ряду среднего рода, например государство. Так не будем мы, читатель, отвлекаться на занимательные моменты, каким-то образом относящиеся к цензуре. Давайте сделаем раз и навсегда заключение: если цензура в наших славянских делах – это она, то следует без предположений, что это довольно истеричная дама, и не следует об этом забывать. Да ещё в наши-то дни, когда эта дама так себя ведёт, словно столетняя старуха. А ведь когда-то была молода, и многие находили её привлекательной. Но она сама себе навредила, требуя от всех безоговорочной любви, но обнаружила, что любовные ручейки имеют утечку среди единодушного чувства. И даже некоторые из нас даже стали нос воротить, приносиваясь к этим запахам цензурирования, похожим на отвращение.

Впрочем, все эти рассуждения сплошная беллетристика. Или красивое растение без корней. А цензура – вот она, можно потрогать и ощутить свои руки, как они пахнут от авторучки с золотым пером.

А ночью Гладиатора, так я зову иногда Владимира Владимировича, разбудил звонок. Знакомый голос сообщил короткую и неприятную новость, хотя и ожидаемую почти с месяц: только что на Москворецком мосту был убит Борис Немцов. И Гладиатор подавил в себе все интересующие вопросы: почему на мосту произошло убийство? Что, у Немцова не было времени на сон в это время? Если он гулял по Москве в столь поздний час? Может, он был пьян и дебоширил возле «Балчуга»? Ведь «Балчуг» – его пристанище, и лежбище, и стойбище.

Он знал, кто сообщил ему эту нужную новость. Она не была радостной, она была просто нужной. Поэтому радости не было. Было чувство исполненного решения, но не хватало в сообщении деталей: хотелось бы, чтобы убили его в пьяной драке, и это бы помогло успокоить СМИ – убийство произошло не по политическим мотивам. И Президент в некотором неведении и без особой успокоенности в размышлениях о происходящем отошёл ко сну, положив под язык две таблетки глицина.

И пока он сладко засыпал, окутанный теплом одеялом овчиной выделки, раздался «свой» звонок, от Администрации РФ. Звонил Сергей Иванов, и всё о том же: Владимир Владимирович, час назад убит выстрелами в спину Немцов. Сергей Иванов ничего не знал о видениях Гладиатора, поэтому обращался к нему его именем и отчеством. Впрочем, все знали об играх Гладиатора, но кому было суждено обратиться к нему, конечно, называли его по имени и отчеству. Как подобает.

– Я уже знаю об этом, – спокойно, сквозь наступивший сон ответил Президент сонным голосом. – Жду сейчас сообщений от МВД и ФСБ, меня интересует только задержание преступника, меня не интересует больше ничего, только преступник. Я уверен, это какой-нибудь друг по пьяному делу или из-за бабы, которую он не поделил с кем-то.

– Да, Владимир Владимирович, я тоже так думаю. Кстати, при самом совершении этого преступления при нём была спутница.

– И её замочили? – изумился Владимир Владимирович.

– Слава богу, жива. И даже не покушались.

– Так, может, и он выжил? – с сомнением спросил Президент. – Может, спутница каким-то образом причастна?

– Нет, Владимир Владимирович, Немцов мёртв. Это точно. А спутница задержана для выяснения всех обстоятельств.

– Точно? Ошибки нет? – строго спросил Президент.

– Нет, ошибки нет.

– Ну, хорошо. Спасибо за звонок. И я ложусь досыпать эту беспокойную ночь. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Владимир Владимирович.

И Президент спокойно уснул, ничуть не потревоженный смертью оппозиционера – таких смертей в его президентстве было достаточно, чтобы не беспокоиться и не потерять сон. Пресс-секретарь подготовит что надо, некролог, соболезнование родным и близким, подготовит переговоры с кем надо, да на том и успокоится общественность, а не успокоится – так переждём и выждем этот момент. Такое уже было не раз. Ничего нового.

Россия не вмещается во многие положения Веков, Континентов и Цивилизаций и в наш Век, двадцать первый, и в наш Континент Евразийский, и в нашу Цивилизацию – Капиталистическую. Ей всегда чего-то не хватает. Но чего конкретно – никто конкретно не скажет. А давайте убежим от навязанных нам Веков, Континентов и Цивилизаций и обратимся к нашей банальности, в которой я нахожусь и уверенно себя чувствую – ведь кругом меня окружает знакомая и комфортная мне банальность. А какой-то автор (авторы) предлагают мне такое, что самим-то непонятно, но мудрствуют же, мудрецы, считают, что не банально. И привязался же к ним – до самого загрызу этих сук, уши поотрываю, если мешают врагов России искать, а вместо этого врагов назначают. Это тогда, когда я о них хожу и запинаясь. И даже не могу удержаться на ногах – и всегда лицом в грязь.

Повторюсь: о господи, какая ты была спокойная, ничем не нарушаемая жизнь в достатке советского человека тогда, когда я был молод, и кругом меня все были молоды и ничего большего не хотели, чем бриолина себе на волосы, чистого бритья с горячим компрессом на лицо, футбольного боленья на беснующихся трибунах и танцев с нестрогими девушками после непродолжительного знакомства. Как пахла жизнь и люди – дождём, гвоздикой, пирожками с повидлом, ливером и горохом за пять копеек. Нежная моя жизнь! Ты не говорила со мной строго и не поступала со мной строго, ты всегда подчёркивала, а я всегда соглашался с тобой, что у нас с тобой только деловые встречи, вроде беседы клиента с адвокатом, нам оставалось лишь оговорить услуги и их стоимость. Глупышка жизнь придумала какую-то дру-

гую, где решила вести себя как королева на шахматной доске, где, кроме самой королевы, один король, где, кроме его охраны, уже нет никого, кроме пешек, образующих ровное, но слабое давление в защиту короля, но по-русски. Всё в защиту короля и всё, что под рукой.

А вздуматься, люди, даже мои ровесники, послевоенные мальчики и девочки, не в силах понять, что основной закон жизни людской уже иной и не иначе как несправедливость. И где же тут справедливость, если в защиту короля всё! «Жизнь продолжается, а принципы всё те же».

– А против принципов я бессилён – сказал себе Гладиатор, становясь беспринципным Президентом. О рабстве уже забылось.

– И любовь к ближнему, – продолжал рассуждать Гладиатор, – простая выдумка людей со ссылкой на Христа. Эта выдумка от бессилия человека что-то изменить или просто обмануть – так проще. Если начать копать в этой придумке человека, можно докопаться до другой мысли: человек одинок на земле среди своих сородичей и самый близкий, кажущийся ему другом, в других обстоятельствах оказывается врагом. А если это так, то и распорядителем твоей судьбы и даже жизни будет он – вражина.

– Господи. Не о том я думаю, – сказал себе Гладиатор, почти завопил. – Мне нужно бы посоветоваться с опытными людьми и не брать на себя такой ответственности – задумываться больше и не расслабляться.

Тогда ещё предстояли бартерные сделки в Германии. И он сказал себе:

– Боже! Явись ко мне со своим советом! – Но тут же и передумал и прошептал в себя, будто тайно помолился от жены: – Я – благ, я – кроток, я – милостив. Придите все и поклонитесь мне, бандерлоги.

Хотел себя назвать – и так считал уже – богом. Но почему-то передумал и даже не заикнулся.

Он умолк в раздумье, как умный человек при должности – председателя комитета по внешним экономическим связям Санкт-Петербургской мэрии и входящим в группу помощников председателя Анатолия Собчака, где и сошёлся в дружбе с Дмитрием Медведевым, тоже входящим в эту группу.

Но ослепляющая молния или просто зарница вдруг ослепила его с ног до головы, и те, кто смотрел на него в приёмной нашего первого демократа, почившего при невыясненных обстоятельствах, увидели перед собой в ослепляющем блеске вместо человека маленького роста и невыразительной внешностью, великана и раздался отзвук какого-то глухого словно из-под земли грома, превратившегося в отзвук его слов, наполнивших небо до самой выси и землю до самых глубин. Все в изумлении молчали, и сделалось снова тихо. Но уже никто не мог нарушить это молчание. И он вышел из чужих апартаментов уже без слов, аккуратно прикрыв за собой дверь. И тут же вошёл в царскую спальню, чтобы поспать царём остатки ночи.

Он не первый, кто был похож на студента МГИМО из всего состава Государственной Думы. В меру скромный, опрятный и какой-то поселкового вида – не деревня и не город, тем более столичный, то ли запоздалая лимита объявилась на законных основаниях в Государственной Думе и, надо думать, сам он прошёл, как всегда, в эти распахнутые двери по списку в первой десятке и стал, совершенно очевидно, вполне обеспеченным всем необходимым – на нём появился отлично скроенный финский костюм, о котором он мечтал с горбачёвских времён, чёрный с искрой, белоснежная сорочка со шведским воротничком, уследил за этим при покупке, наказал продавцу, что именно со шведским воротничком нужна сорочка и чтобы не перепутал с сорочкой с английским воротничком – он терпеть не мог эти воротнички, английские, – узко лежащие друг к другу кончики и длинно спускающиеся вдоль галстука, мешая рассмотреть красиво повязанный узел. Похожих на него в Думе было немало. Но он один выделялся ото всех и сразу выделился – с первого дня депутатства – своей фамилией Чугунок, по имени Владимир. А это значит, что он был тёзка ВВП да ещё к тому же земляк –

оба ленинградцы и оба патриоты, носившие, пусть когда-то, погоны. Так Владимир Чугунок равнялся в строю единоклассников и патриотов – по команде смирно в напряжении своих мышц, повернув голову налево, искал глазами грудь четвёртого человека, считая себя первым. Тот стоял где-то рядом, более значительным, требующим внимания и почёта. И Чугунок застыл в положении открытый рот.

ВВП притягивал к себе людей типа Чугунка, а сам Чугунок стремился вовлечься в эту стремнину, по которой мусором проплывали люди во множестве и многие из них уцелели в водовороте самых разных событий всплывали вдали. И это было заманчиво – увидеть людей успешных после перенесённой бури. А сейчас, конечно, трудно ожидать объективности от людей, задавленных нуждой, ошеломлённых крушением привычного миропорядка, вынужденных начинать жить заново по непонятной им причине. Можно понять их горечь. Однако это к нему не относится.

Им как-то легко было отброшено и забыто в далёком уже времени нахимовское училище, и Киевское высшее военно-морское училище, и недолгая служба в Лиепая заместителем командира учебной роты мотористов, после чего ему стало понятно, что служба ему только в тягость и в феврале 1992 года Чугунок уволился, успев на перепутье стать членом КПСС. Безусловно, нам есть за что упрекнуть нынешнее правительство и даже строго наказать его. Наверное, его беда в том, что оно недостаточно радикально, нерешительно, непоследовательно и делает всё по ленинской формуле «шаг вперёд и два шага назад». Но это мы увидим поверхностным взглядом, скорее безразличным. Но если мы протрём глаза, то и... Не ужаснёмся ли?

5

Итак. Упырь (вурдалак, кровосос) – сознательно выбранный герой из мифологических героев славян, то есть ограниченный лихоимством и кровососанием, а значит, лишением жизни живых существ. И если я сознательно увеличу логическую окружность среды обитания упырей, то погрешу мифологической правде. К упырям, согласно мифологии, не относятся покойники, спокойно лежащие в своих могилах и склепах и не нарушающие ничей покой живой жизни вставанием из могил. Хотя не исключено, что божьего греха ими совершено немало. И мне трудно отсортировать подобных и выделить их из общей массы, как бы в оправдание, если не пролита кровь, но смерть достигнута другим способом, не кровопролитным, или за сохранённые кому-то жизни, а саму сохранённую жизнь, к примеру, в тюремных (лагерных) условиях да просто в условиях голодомора или иного, морального просто, притеснения, а значит, что они чисты и безгрешны, безмятежно лежат в земле сырой и даже не вздыхают по прошлому. Я думаю, читатель всё сам оценит и разберётся во всём сам. Открытый здесь быть не может, я просто изливаю душу перед читателем – моим, если его интересует изложенное, если он согласен со мной.

Было душно Иосифу Виссарионовичу. Он открыл окно, посчитав, что с такой просьбой к Власику обращаться было бы несколько неуместно со своей стороны. Запах дождевой воды влетел в комнату и когда уже этим запахом наполнилось всюду, стало казаться, что это запах уж очень прост – пахло просто сыростью. Глядя на вечернее, бледно голубое, как лёд, прозрачное и холодное небо, он слушал в себе грустную песню, подобную плачу.

Я могилку милой искал,
Но никак найти я не мог.

Долго держал в себе эту песню и никак не мог отпустить. Может, это она овладела им и удерживает его в воспоминаниях.

Где же ты, моя Сулико?

А Поскрёбышев сегодня необычайно любезен. Пришедшим навестить Вождя послам США и Соединённого Королевства он попросту и запросто сказал:

– Господа! Генералиссимус передаёт привет и наилучшие пожелания сэру Черчиллю и господину Президенту Трумэну и свидетельствует о глубоком уважении к этим персонам великих держав. А сейчас Генералиссимус находится в несколько подавленном состоянии от неожиданно приобретённой инфлюэнцы и извиняется за доставленное вам неудобство за несостоявшуюся встречу.

– Уважаемый генерал! Мы желаем Генералиссимусу скорейшего выздоровления, а сами удаляемся и просим вас, генерал, извинить нас за посещение друга американского и английского народов в неудачное для него время.

Послы ещё находились под влиянием совместной победы, и Генералиссимус ещё не был для них диктатором, ещё никто не обвинял его в отыскании и преследовании в стране тайных злодеев и предателей. Это всё будет чуть позже. Когда измены, рождённые в Смуту, достигли наших времён, когда Курбский, герой шестнадцатого века, смог сказать правду диктатору, но не сумел отказать себе в мнимом мщении узурпатору, что превратило его из героев в предателя. И не это ли послужило примером поздних наших героев русским властителям? Сам Курбский и король Сигизмунд в своём замысле потрясти Россию, однако, поначалу не смогли достигнуть желаемого – они смогли произвести лишь кратковременную тревогу. Но помимо этого сердце Ивана всё более и более кипело гневом и подозрениями. Все добрые к нему вельможи казались ему тайными злодеями, единомышленниками Курбского, он видел предательство в их печальных утомлённых глазах после пыток, ему слышались укоризны и угрозы в их молчании, он требовал доносов, и когда их было мало, жаждал истязаний над слабыми людьми и он распался истязать и истязать, когда видел, что жертва ещё не издыхает к его изумлению. И он тогда искал нового предлога для новых ужасов в России и находил. И в начале зимы 1564 года он покинул столицу, и столица пришла в ужас: безначалие царя казалось ещё ужаснее, чем тиранство. «Государь нас оставил! – завопил народ. – Кто нас защитит? Как могут быть овцы без пастыря?»

Тогда собрались духовенство, бояре, купечество, сановники царские и приказные люди и потребовали от митрополита, чтобы он умилиствовал царя: «Пусть царь казнит своих злодеев, но царство не бросает, он наш владыка, иного не ведаем. Или пусть царь укажет нам своих изменников, и мы сами уничтожим их!»

Царь принял их в своём дворце Александровской слободы. Митрополит благословил Ивана, епископы слёзно молили его снять опалу с духовенства, с вельмож, дворян, с приказных людей и не оставлять государства, а продолжать царствовать и в царствовании вести себя как ему угодно. Все молили царя: царствуй и владей.

Царь ответил многоречиво: повторил все свои упрёки боярам в нерадении и строптивости, обвинил их с издревле виновными в кровопролитиях, что хотели извести царя, супругу и детей. Бояре молчали в ответ, не смогли найти возражений. И было ясно им, что царь не простил им, бояре не обретут милости. И Москва наконец-то увидела царя 2 февраля 1564 года. Вид его изумил народ. Он так же, как всегда, был высок ростом, строен, плечистый, на лице отпечаталась мрачная свирепость, некогда серые прекрасные глаза превратились в угасший взор, излучающий дикость или сумасшествие, а на голове и в бороде не осталось волос.

И ещё Иван сказал: для своей и государственной безопасности он учреждает особенных телохранителей – опричнину. Все знали о его недоверчивости, боязни злодеев, поэтому выбрал себе в телохранителей из детей княжеских, дворянских, боярских и давал им поместья в городах, которые он объявил своей собственностью: Можайск, Вязьму, Козельск, Пере-

мышль, Белёв, Лихвин, Ярославец, Суходровь, Медынь, Суздаль, Шую, Галич, Юрьевец, Балахну, Вологду, Устюг, Старую Руссу, Каргополь, Вагу. И много другого приобрёл в Москве и в Кремле. То есть Иван как бы отделил себя от Царства, ограничив себя частными владениями. И никто не противоречил Ивану. Воля царская была законом. Не симптоматично ли это? Вот вопрос.

А 4 февраля Москва увидела царя исполненным своих обещаний не жалеть в жизни своих недругов. С этого дня начались новые казни мнимых изменников, которые будто бы вместе с Курбским умышляли против жизни царя, покойной жены Анастасии и его детей. Первой жертвой новых казней царя стал славный воевода князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский, потомок святого Владимира, Всеволода Великого и древних суздальских князей, участник завоевания Казанского царства, ревностный друг нашего отечества и, естественно, христианин из всех христиан, которых недолго любил Иван и боялся в чём-то, чего не мог объяснить себе. Ему выпала доля умереть вместе со своим сыном Петром, семнадцатилетним юношей. Оба шли на казнь без страха и взявшись за руки. Сын не хотел видеть казни отца и первый склонил голову для отсечения. Тогда отец отвёл его от плахи и сказал, не скрывая своей любви: «Да не зрю тебя мёртвого!» А Пётр взял отсечённую голову отца, поцеловал её в губы и с весёлым лицом склонил голову на плаху в свою очередь, вслед за отцом. В свою очередь.

6

И при таких обстоятельствах можно ли любить что-нибудь, даже и прекрасное? Всякий раз встречаются попытки реабилитации и оправдания экспроприаторской деятельности революционеров. Я знаю, что большинство моих бывших товарищей, оправдывают экспроприацию.

– Стоит ли вспоминать? – вопрошал Иосиф Виссарионович себя. – Не знаю, хотя мучает вопрос постоянно. А жизнь-то прошла бледной, как в тумане. Почему я был в прошлой жизни таким тёмным и не знал другой жизни? Почему я не учился должным образом? И почему жизнь проходит в пустоте? При такой жизни многие, если не все, считают меня простым вором. Но я ведь не для себя грабил, а помогал тем, кто нуждался в деньгах. Я говорил раньше и уголовным, что есть люди, которые грабят не для себя, а для других. Лично о себе я ничего никогда не говорил, но мне всегда было так горько при таких отзывах об экспроприаторах. И лично обо мне никто не скажет, что я был корыстным экспроприатором. В отличие от иных, с кем приходилось грабить, – печально признаётся Иосиф Виссарионович себе, – товарищ у товарища ворует, я участвовал во многих грабежах, но редко проходило без подлости. Разве не обидно? Ведь свой у своего берёт. А снаружи все хорошие люди. Вроде бы. Но воровать почти все готовы.

А ведь подумать только, разве не упырь на людские головы? Эка невидаль – экспроприировать чужое добро без личной корысти! Но только не верится что-то. Иначе не родилось бы ни одной капибары даже в дальних, неведомых россиянам краях. Но слухом полнится земля российская лишь упырями, но не морскими свинками.

Генерал-лейтенант авиации Василий Сталин гулял по утренней послевоенной и всегда праздничной в эти годы Москве и размышлял о действительности: действительность теперь часто становится неправдоподобнее самого кошмарного вымысла. Но мне кажется, что настоящий ужас всё-таки не в примерах известных людям крайним одичанием других известных людей. Да-да. Эти люди одичали в условиях человеческого благополучия, и они, эти люди, способны видеть среди себе подобных человеческое отродье – отпочковавшуюся группу людей из общего произрастания человеческого древа с его ветками и листьями на мощном стволе.

И видятся одичалые люди при власти (от власти) и отпочковавшаяся группа таких же одичалых людей, но безвластных и безмолвных, как божье наказание за грехи.

Вся эта физиолого-психотерапевтическая наглядная статистика, в которой утопает столько живого, личного, индивидуального горя, страдания и позора, это убиение всяких свойств человека и разрезание материи на её особенности и свойства глубоко оскорбляли генерал-лейтенанта. Он знал эти жертвы общественных условий ещё до войны, в боевые годы войны, а сейчас видел их беспомощных или, напротив, разгульных и удалых – послевоенных. В этом воображении виделся образ его бывшей жены, первой по счёту из трёх, красавицы Галины Бурдонской. После войны он пришёл к ней, уже покинувшей его и оставившей себе его детей, дочь – Надежду и сына Александра. И он понял, что он потерял – ведь всю жизнь его не покидала эта утрата. Она не унизила его отторжением от себя, но жёстко сказала: «У нас совместная жизнь исключена, но мы останемся друзьями, верно ведь?»

И ему показалось, что его добродетельная жена с холодным пренебрежением отвергает его, закрывая глаза на все его жизненные напасти. После этих жестоких слов любимой женщины как не согласиться со всем, что она скажет, что прикажет и просто попросит. По этой причине он часто стал бродить по утренней Москве, ища себе успокоения в раздумьях, подержанных парой стаканов водки. Но расстаться пришлось. И навсегда. Не смог уговорить всю жизнь, а ведь всю жизнь уговаривал: «Ну как же так Галина! У нас же дети, что они скажут, когда вырастут?»

– А ничего не скажут, нас во всяком случае не обвинят. Они понятливые у нас и любят своих родителей и деда, который предупреждал меня: полюбила и вышла замуж за дурака, а я не поверила и любила как дура.

После таких слов, которые каждый раз повторялись при встречах, Василий отходил к окну и смотрел вниз на улицу Горького, долго стоял и думал печально о чём-то с неизменной папиромой в зубах, вздыхал и сквозь зубы говорил, прежде чем хлопнуть дверью:

– Галка! Ведь и я вслед за дедом уйду, как только он скончается от бериевского яда или не захлопнут отца в психушку. Я вслед за отцом, это как пить дать. И мои дети останутся без отца. Мои дети, внуки Сталина, будут жить в безотцовщине!

Василий спустился на ещё тихую с утра улицу Горького, в гастрономе купил бутылку водки и кусок сыра и направился в Александровский сад, где давно уже облюбовал себе укромный уголок – грот, выложенный ещё в давние времена впритык к стене каким-то царём. Садовая скамейка стояла рядом. Он уселся поудобнее, чтобы видеть проходящих по садовым дорожкам – не дай бог, патруль под стенами Кремля! И тогда снова не избежать упрёков от отца и снова разлад.

Внезапно перед ним возникли двое узнаваемых людей в серых костюмах при галстуках. Ему пришлось подчиниться, поскольку Василий сидел в гроте, соприкасавшемся с кремлёвской стеной, за которой жил Иосиф Сталин, не только его отец лично, но и всех народов Советского Союза. Так Василий послушно очутился в кремлёвской квартире отца.

Отец сидел за столом и, как обычно, курил трубку – это был знак, только Василий до сих пор не мог распознать, какой это был знак. Бывало, он курил и папиросы «Герцеговина Флор».

– Это правда? – спросил отец, как только сын вошёл.

– Правда, – односложно ответил сын, чуть не плача.

– За что ты меня так? – прибавил отец тихо, без упрёка, только, как показалось Василию, с удивлением. И продолжал просматривать какие-то бумаги, поглядывая на сына исподлобья, будто ожидая от него дальнейших объяснений.

– Так что это всё значит? – снова спросил отец.

Василий молчал, потому что сказать было нечего. А отец хотел что-то говорить сыну. И он говорил что-то сказочное:

– Хвойный лес России, если ослабевает в своём росте по какой-либо причине, то в нём, естественно, появляются прогалины, поляны, зарастающие обильно травой, цветами и ягодами. Такие лесные проплешины собирают в себя разного рода нечисть, требующая к себе особого отношения. Тогда люди и колют овец, тёлочек, жеребят, пьянствуют и пьяными поют и пляшут. Другого применения этим лесным полянам дикие люди не могли придумать. Пошумят, поломаются, обманут совесть и разойдутся по своим лесным в реальности норам-трущобам, чтобы не сердить, не беспокоить своего бога. Ты живёшь на такой проплешине или на поляне, но приходишь туда только днём. Когда поляну освещает солнце. И видишь там всю эту нечисть, которая погубит тебя, но не ты сможешь ей выжить. Но! – отец приостановил ход движения своих мыслей. – Но! – и после короткой паузы заключил: – Если в каждом человеке отыскать Бога, то нужно ли насилие? Ответ!

И, с другой стороны, Вождь обратился у Богу! В этом война виновата?

А если погрузиться в исторические годы России, вслед за ужасами власти Грозного, то увидим, что пришла слабость, чего опасались друзья отечества, которые ещё сохранились в её пределах после долгожданной смерти тирана. К счастью или к удаче России, наследник Ивана, его сын Фёдор, отличался необыкновенной кротостью, кротким умом, набожностью, равнодушным к мирскому величию. И опять же к счастью или удаче, наследник Фёдор боялся пользоваться властью, считая, что власть приводит не иначе к грехопадению. И под влиянием всего этого царь Фёдор фактически уклонился от царствования и вручил власть пентархии, организованной ещё умирающим Иваном как Верховная Дума из пяти вельмож, где сам тиран был пятым.

Иван создавал пентархию, не задумываясь о том, что этот орган будет наделён какой-то особенной властью. Он готовился уже к смерти и больше думал о ней как о конце жизни и предстоящей встрече с всемогущим господом. Это было простое совпадение из просто уже существующей Думы уподобить что-то более устрашающее из пяти вельмож. А могло бы из трёх из семи, но выбрано большим умом из пяти и история в историческом понятии назвала такую Верховную Думу пентархией. Не надо нырять на глубину, когда глубины в этом месте нет.

История оставила нам их имена, членов царской пентархии. Это были старые имена надежды на сохранение жизни, где сохранялся и страх, что ничего не изменится, потому что все они были в услужении у тирана.

Князь Мстиславский, будучи старшим боярином среди всех бояр, отличался единственно знатностью рода и сана. Князь Никита Романович Юрьев был уважаем как брат незабвенной царицы Анастасии и дядя царя. Князя Бельского, хитрого и гибкого в поведении ненавидели как первого любимца Ивана.

И князь Борис Годунов, наделённый редкими дарованиями и тем более опасались его, ибо он умел снискать особенную милость у тирана и был зятем гнусного Малюты Скуратова и другом Бельского.

В этом коллективном органе, как в клубке из шипящих змей, или в таком коллективном органе, всегда найдётся один, кто всех бойчее, всех умнее, более любящий власть и более подходящий под такую форму правления. У этой Верховной Думы, изначально названной пентархией, был свой самый подходящий, самый умный и самый властолюбивый. Это был Борис Годунов. В таком составе и с такой значимостью Верховная Дума приняла государственную власть после смерти царя Ивана Грозного. И в самую первую ночь смерти Ивана выслала из столицы самых верных его служников, других заключила в темницы, а ко всем родственникам вдовствующей царицы Марии Фёдоровны Нагой, к Нагим, приставила стражу, обвиняя их в злых намерениях, самым злым по мнению пентархии было намерение объявить юного сына Дмитрия наследником своего отца. Тогда Верховная Дума, властвующая как пентархия,

послала вдовствующую царицу с сыном Дмитрием, её отца и её братьев, всех Нагих, в город Углич, дав сосланным царскую услугу из стольников, стряпчих, детей боярских и стрельцов. Это удаление наследника могло показаться блестящим решением пентархии очищать путь к власти кому-то из них, одному. Ведь в душе никто из них не хотел делить власть ни с кем. Тем более в этом коллективе уже были заложены противоречия. Воспитатель наследника князь Бельский, не пожелал участвовать в этом решении Верховной Думы – пентархии и остался в Москве, сняв заранее все обвинения в убийстве наследника. Он хотел законодательствовать в Думе, только и всего. И пока он не видел грозы над собой.

В то время как Россия славилась новой, ещё невиданную ей форму власти, в Москве начало коварствовать незаконное властолюбие – признаки российского самодержавия. Появились слухи о большой опасности наследника в Угличе и скоро назвали человека, готового совершить это злодеяние. Имя ему – Бельский, который отравил Ивана, готов отравить и Фёдора, известить всех бояр и возвести на российский престол Бориса, своего друга и советника во всём. И Москва взбунтовалась и осадила Кремль. Царь Фёдор выслал к бунтовщикам думцев – Мстиславского и Юрьева – спросить, что требуют бунтовщики.

– Бельского! – криком ответил народ. – Выдайте нам злодея! Он задумал известить царский род и все роды боярские!

Этот несчастный вельможа, изумлённый обвинением и уstraшённый злобою народа, вынужден был искать безопасности в покоях Фёдора, ведь Фёдор знал о невинности Бельского и готов был к заступничеству. Знали об этом и бояре. Но все действовали притворно и ужасались кровопролитию притворно, и вступили в переговоры с мятежным народом, и склонили его довольствоваться ссылкой мнимого преступника в Нижний Новгород воеводой. И народ под крики «Да здравствует царь с верными боярами!» мирно разошёлся по домам.

Бельского удалили. Борис Годунов остался властвовать в Москве. Мятежники не требовали его головы, не произносили его имени, уважая в нём брата царицы. Знали власть Годунова над сестрой, нежной, добродетельной Ириной, знали власть Ирины над Фёдором, который истинно любил жену, может, единственного человека в мире. Но Фёдор не знал только тайных замыслов и наклонностей Бориса Годунова. И Ирина утвердила союз между царём, неспособным царствовать, и подданным царя, достойным власти. И получили убийства и смуту в государстве.

7

Это как броуновское движение в Европе под влиянием теплового воздействия войны на Донбассе и в Сирии, а если спокойно всмотреться в происходящее, то оно отлично друг от друга, движение двух молекул разного вещества, Абрамовича и Розенбаума. Одного позвала в дорогу какая-то спешка в финансовых делах, требующих изменений или защиты не традиционным способом.

Другого – что-то иное, поскольку он, Вячеслав Розенбаум, мой давний знакомец и не может быть заинтересован своими делами и этим движением, его суть отличная от Абрамовича, поскольку они два разных существа, – по-разному относящиеся к прогулочным океанским яхт, банковским счетам и контролю над состоянием интересов, что-то иное. Поэтому один приземлился в Израиле, что стало моментально известно всему миру (и не в последнюю очередь самому Путину Владимиру Владимировичу), другой оказался в Иванове и заинтересовал всего лишь свою семью из престарелых родителей, жены и дочери и своих немногочисленных друзей. Присутствуя своим именем в Англии – всего лишь, Абрамович не забывал одного: в России, отличной от туманного Альбиона, Владимир Владимирович, как он называл уважительно нечто живущее в нём постоянно и сосущее под ложечкой ласково и не сдержанно, одновременно, словно вечный оргазм. Унизительно, но что делать, если ему так при-

ятно. Антисемитская чернь подняла вой во всем мире, она сочувствует архитеррористу, как никогда не сочувствовала его жертвам. Европейцы за 20 веков истребления евреев привыкли считать безнаказанное убийство еврея своим естественным правом и ныне до глубины души возмущены тем, что Израиль лишил арабов этого права и посмел защищать своих граждан. Поборники прав человека пекутся о правах бандитов, организаторов террора против мирного населения, а не о правах жертв. Они различают два террора – плохой и хороший. Плохой террор – это когда Израиль уничтожает главарей террора. Тогда все кричат «Караул» и созывают Совет безопасности. Хороший террор – это когда убивают евреев. Тогда гуманисты удовлетворённо молчат и ничего не созывают.

Кстати, Путин пообещал, что будет мочить террористов в сортире, но осудил убийство Ясина. Видимо, Путина огорчило, что Ясина замочили не на унитаза. Так его надо понимать?

Этим просторным землям требовался подлесок. И на северные славянские земли в середине девятого века пришла судьба дальнейшего исторического развития в лице не степных набегов печенегов или половцев чуть позже, а каких-то новых неизвестных смелых завоевателей, пришедших из-за Балтийского моря и получивших название у славян «варяги». Эти варяги обложили данью и славян Ильменских, и чудь, и кривичей, и мерю. И хотя через два года варяги были изгнаны этими славянскими племенами, но они, утомлённые своими внутренними раздорами, призвали к себе на княжение трёх варяжских братьев варяжского племени русского, которые сделались нашими первыми властителями нашего Отечества, и поэтому оно стало называться Русью.

Надо думать, что варяги имели представление и, наверное, полное, о славянах, поскольку соседствовали и враждовали немало. Их внешний облик был приятен, они были стройны, высоки ростом, мужественны и приятны лицом, загорелы, даже казались смуглыми и все без исключения были русые. Однако они не утруждали себя заботой о своей наружности. Неопрятными, в грязи могли показаться в многочисленных собраниях людей чужого племени. Вместе с тем об их отваге ходили легенды. Древнее оружие славян состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом и в больших тяжёлых щитах.

Все народы, в том числе народы языческой культуры, оберегают свою веру как могут, видя в ней наследие своих отцов и самые грубые её проявления и сама жестокость не кажется им таковой, напротив, она так же освящена памятью. И славяне отвергали христианство в течение многих столетий. Задолго до Ольги и Владимира в христианство славян хотели обратить немецкие проповедники, но устрашённые их дикостью, отказались от этой мысли. И с другой стороны, славяне ненавидели христиан и христианство и прекращали торговые связи с ними, а священников христиан приносили в жертву своим деревянным и золочёным сусальным золотом из Византии, идолам.

А мы и не замечаем, как зарождаются среди нас и размножаются в историческом множестве упыри. И находим в славном историческом развитии, если и приходится с чем-то согласиться, то лишь с ошибками всё того же исторического непонимания отдельных наших государственных деятелей, совершающих (совершивших) эти ошибки. За преступления эти действия мы никогда не признаем. Тогда как их преступления равны преступлениям, когда эти упыри питались бы человечиною. Это тогда, когда общество людей земли покрыто цивилизационными отношениями как океанской волной на десятки, сотни метров глубины и выбраться из этой волны, казалось бы, нет никакой возможности никакому упырю. Но нет! И видим, и ужасаемся, и потворствуем упырям. Что это? Почему? Ответа нет. Или ответ многословен, его не понять, тем и потворствуем.

Вон как рассуждает внук этого упыря про своего деда: старик Молотов Вячеслав Михайлович, несомненно, один из упырей сталинской клики, прав, как ижевский охотничий карабин,

не знающий осечки. И я, как и он, его внук, если говорить от имени внука, никогда не ездил ни в какие Италии или куда-то ещё, чтобы позагорать и отдохнуть на солнышке. Зачем? У нас в Крыму или в Сочи лучшие в мире солнце и море. А главное, здесь все мои друзья. В моей телефонной книжке что-то около ста пятидесяти номеров. Вот уже сорок лет, как я не набирал номера, не значащегося в ней. Наш круг – здесь, возле мест, где отдыхает Вождь, не тот, который изгнан из Мавзолея, а сегодняшний, ловкий и циничный, ещё только думающий о бессмертии. А Молотов Вячеслав Михайлович – верный друг своего Вождя на многие годы, навсегда, что доказано временем, а Никонов Вячеслав, внук Вячеслава Михайловича – продолжатель политической карьеры рода Молотовых. Но это всё в будущем, а пока Вячеслав Михайлович получил кличку от Вождя «чугунная жопа». А я, его внучок, изредка вспоминаю деда и преуспел в своих воспоминаниях – в новом времени. Знатоки политэкономии всё знают о «зимней столице мирового капитала», внук весь в былом, он пытается вызвать духов, канувших в Лету. Рядом с ними, с канувшими, часов не наблюдают, но не от избытка счастья, но от страха перед часом расплаты. Неизбежной расплаты, как сама смерть, но без погребения избранных людей. Оставляя их на земле привидениями, тенями, пугая жизнь в простых домах и богатых замках, под плакучими ивами по берегам рек и озёр.

Иосиф Виссарионович скучал без посиделок в Кунцево вместе со своими верными опричниками, временами казавшимися ему неотличимыми от деревенских дурачков или известных всем в городе городских сумасшедших. Только стоит внимательно посмотреть на Никиту или Лазаря, становится ясным, как быть с такими, как поступить, не особо беспокоясь об отношениях в ответ. Достаточно пригласить к застолью на посиделки возле себя или напротив за столом.

Первым прибыл Министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Под усами скривил добрую улыбку и собрал морщинки в уголках глаз. Вождь понимал это выражение лица и в ответ тоже сдержанно улыбнулся и трубкой зажатой в ладони указал на кресло рядом с собой:

- Присаживайся рядом.
- С-с-спасибо, Иосиф В-в-виссарионович.
- Сейчас подойдут другие товарищи, и мы сядем за стол в узком кругу, обсудим, как думаю, важный вопрос в управлении государством.

Возникла, как всегда в подобных случаях, когда бонза оказывался наедине с Вождём, тишина, исходящая от Иосифа Виссарионовича. Человек ждал чего-то, чего сам себе объяснить не мог. Что в этой тишине прячется, может, гром грянет, и не успеешь перекреститься? И страх невольно заморозит голову и сердце. Но ничего этого не происходило с Вячеславом Михайловичем, казалось бы. Руки его не холодели без причины, сердце билось ровно, и кондрашка не туманила голову. Вячеслав Михайлович молчал, потому что был молчалив поневоле – он очень сильно заикался. А Вождь, зная этот его недуг, был снисходителен и не переставал быть к нему уважительным и сейчас, сегодня и больше никогда не спросит тихим голосом, затянувшись своей трубкой:

- Ты когда к Рузвельту ездил?
- Гм-м. З-з-зима к-к-онч-чилась. В-в-в н-нач-чале л-лета с-с-сорок в-в-второго. К-к-кажется, что в м-м-мае.
- Забудь об этом, Михайлович, – о нашем разговоре. Я просто спросил тебя о наших государственных делах в годы войны. Написал бы мемуары, а народ бы прочитал обо всей правде. Кстати, ты и к Черчиллю навевывался о втором фронте договариваться в это же время?
- Д-да, Иосиф В-в-ви-сса-рионович, так.

Вячеслав Михайлович Молотов, 55-летний министр иностранных дел, сидел перед Вождём свободно, без потливости от напряжения, вовсе не ожидая и не боясь от него вопросов

и ничто не подползало, не подкрадывалось к нему в этой ярко освещённой комнате, не хватало его за горло и не душило косматой лапой. Но в то же время Вячеслав Михайлович, чувствовал, что не имеет силы первому вступить в разговор с Вождём, а если бы Вождь обратился первым, как сейчас, то ничего бы не изменилось в его поведении – в обморок не упал бы со страху и не взвился бы в любовно-патриотическом возбуждении. Да и не привык он этого делать – заметно заикался и не хотел свой недостаток лишней раз напоминать Вождю. Вождь неожиданно рассмеялся по-доброму, не рассмеялся, а хохотнул по-приятельски, а Вячеслав Михайлович приготовился внимать.

Но вдруг всё изменилось, и всё стало по-прежнему. Вождь тихонько ласкал трубку, грел в ладони и осторожно прибавлял жару в тлении табака, негустой, приятно пахучий сизый дым улавливался Вячеславом Михайловичем как запах, как суть самого, Вождя и он умильно смотрел на него и думал: «Иначе решить не могу. Не могу вернуться в мир, оскорбляющий бездействием, чтобы жить, как все живут, без служения ему, и партии, и отечеству, что может погубить не только Советский Союз, но и всё его дело. Нет, я не покину его, не предаю. Хотя я сейчас как на острие ножа, который разрезает меня пополам под собственной тяжестью. Знаю, что раз ошибёшься – второй раз не поправишь. И он, второй раз, тебе не потребует. Нет, очевидно, что я уверен в этом человеке, он мне, определённо, нравится. И я люблю его, как гениального моего товарища, который уже возвратился после бесовских дней и ночей красным солнышком со своей ратью, только что показавшей себя на Красной площади возле Мавзолея, и далее он восстановит всю истину в Европе, потом в мире. И все народы придут к нему поклониться, и вот все они уже при дверях».

Вячеслав Михайлович не заметил своей благодной улыбки на лице – так был увлечён тихим общением с Вождём.

Наконец за дверями в столовую, где-то при входе в дачный дом, послышались осторожные шаги не одного человека и тихие голоса.

Дверь в столовую бесшумно отворилась и в столовую бочком как-то не вошёл, а проник генерал Власик. Осторожно закрыв за собой дверь, он и шага не сделал вперёд, а, вытянувшись в струнку, начал было декламировать: «Ожидают приглашения войти...»

Но Иосиф Виссарионович остановил доклад Власика, всего лишь подняв руку и коротко сказал: «Пусть входят, не стесняются. Мы ждали».

И вереницей, один за другим, стали влезать в столовую, сразу останавливаясь перед глазами Вождя, образуя толпу из постаревших и ожиревших бонз. Иосиф Виссарионович рассматривал каждого из них как портрет и после каждого рассмотрения кандидатуры (куда-нибудь, наверное, сгодится) делал еле заметное движение рукой с зажатой в ладони трубкой – здравствуй, проходи. Здравствуй, проходи. Здравствуй, проходи.

– Я сижу вот здесь, – сказал Иосиф Виссарионович, подойдя к торцу стола, который был давно сервирован. – На противоположном торце никого нет. Нас здесь не так много, чтобы занять и то место. А вот здесь, слева от меня, сядет Лаврентий Павлович. Справа – Георгий Максимилианович. Остальные по своему выбору. Присаживайтесь, товарищи.

Все расселись по своим местам и обратили взгляды на Вождя, который, казалось, не собирався садиться, а продолжал стоять возле стула, задвинутого под стол.

– Ну что же, товарищи. Я не устаю поздравлять всех вас с одержанной Великой Победой человечества над фашистской чумой.

Сказал эти слова Вождь и шагнул мягким шагом в сторону вокруг стола, за спину усевшимся. И, остановившись за спиной Лазаря Моисеевича, добавил к сказанному:

– Поскольку к человечеству я отношу и весь наш советский строй, и всё наше советское общество с его армией и флотом, то я в первую очередь поздравляю их, армию и флот, и весь наш народ во главе с великим русским народом, а значит, и вас, товарищи, представ-

ляющих руководство нашим государством – Союз Советских Социалистических Республик. Прошу наполнить ваши бокалы и под этот тост выпьем за нашу Победу. Ура, товарищи!

Ура получилось нестройным. Вождь и не ждал за столом воинственного атакующего крика, но получилось какое-то жалкое и неубедительное ура. И Вождь крепко поставил свой фужер на стол с недопитой «Хванчкарой», и ему захотелось что-то говорить и говорить этим непонятливым людям. Но почему-то не понятными для них словами. И он продолжал с обидой на них, непонимающих:

– Говорят, в конце концов правда восторжествует. Но это неправда! Вот ведь фокус. Этого, в конце концов, не дожидаться, кроме того, что это неправда. Говорить правду – скорее всего, это привычка, приобретённая где-то в детстве. А сейчас правде тебя никто не научит, правду в тебе никто не воспитает. А много ли правды в нас? В каждом из нас, руководителей государства? Можно сказать, что почти её нет. Но зато много, с избытком, лжи. А разве вы думаете по-другому? Вот вы, Михаил Иванович, что думаете о наших лжецах?

Михаил Иванович, похожий на сельского старосту из какого-нибудь ивановского села Ильинское в неглаженной рубашке из хлопчатобумажной чесучи под плохо сшитым мешковатым пиджаком из той же ткани, выделялся своим благообразным видом, а небольшая борода, свисающая клином, придавала ему вид затрапезный и требовала удивления присутствующей публики. Но никто удивления не проявлял, знали и не понимали Вождя, зачем этот скоморох ему понадобился?

– Я бы спросил у Михаила Ивановича, может, я зря помиловал его жену Лорберг Екатерину Ивановну, осуждённую на 15-летний срок пребывания в исправительно-трудовой колонии и отбывшую наказание лишь менее половины назначенного? – спросил Вождь у «всесоюзного старосты», стоя у него за спиной. – Не помиловал, так и не знала бы Екатерина Ивановна о любви Михаила Ивановича к кордебалету Большого театра.

И тут все оживились. А Лаврентий Павлович, осмелившись, потянулся за бутылкой «Столичной».

– Ну, староста, поделись девочками!

А Михаил Иванович вспомнил свои ночные мысли и почувствовал в душе спокойную решимость не поддаваться колкостям Лаврентия и этим презрительным ухмылкам за столом. Но его выручил Вождь:

– Может, оставим в покое нашего любвеобильного старосту? Вы же все забыли о накрытом столе перед вами, вы же сами не откажетесь от какой-нибудь молоденькой потаскушки. Не так ли? – спросил Иосиф Виссарионович. Не называя и не выделяя никого.

И все разом примолкли.

8

После не жарких, но всё-таки тёплых летних дней, вдруг опять холод, вдруг опять зима. А по календарю лето только началось. Лето в Кунцево шумит лесом и дождём. И прохладой, похожей на зимний холод. В середине дня явился по вызову Василий. Был он свеж и приятен в шутках. Громко возражал охранникам, когда они не проронили ни слова и готовы были исполнить любое его желание или прихоть. Говорил, радуясь себе, счастливому в своём здорье:

– Это меня не касается. Мне до вас дела нет никакого.

Потом разразился упрёками за то, что охрана будто бы наговаривает на него отцу.

– Как вам не стыдно, товарищ генерал! – чуть не плача оправдывался комендант дачи. – Пошадите хоть нашу честь. Вы обвиняете нас в стукачестве.

– Вы забываете, полковник, что война закончилась, и наступило послевоенное время, а с ним закончилось и время стукачей!

И Василий скрылся, поспешая к отцу за примирением. Подойдя к полуоткрытой двери в кабинет Вождя, он увидел нечаянно в зеркале, что он сидит в кресле и курит трубку, видимо, ждёт его. И услышав шаги сына, бросив взгляд на дверь, где в зеркале, так же как он увидел отца, так сейчас Вождь увидел сына. Он как-то тяжело встал и тяжёлой походкой направился к дверям.

Пока Вождь сидел в кресле у дверей в кабинет и ждал сына, то ему приходили на ум разные мысли, очень не оправдательные, хотя ему так хотелось видеть сына своим и любимым. Но тот был каким-то не своим, непонятым и необъяснимым.

– Может быть, я несправедлив к нему? Может быть, он действительно не то, что кажется? – думал Вождь вслух, бродя по кабинету, выглядывая в окно его приезд, садясь в кресло и снова вставая и снова кружа по кабинету. – Мне кажется, что это самый скрытный из людей, которых я знаю. И это мой сын! Когда он не пьян, сидит в отдалении от всего со своими старыми друзьями за авиационными моделями и научными изданиями. Когда он пьян, то с теми же друзьями пьёт беспробудно по всем ресторанам Москвы и буянит в комендатуре или в отделении милиции.

Василий довольно долго, до неприличия, стоял у приоткрытой двери, смотря на отца. И когда отец увидел его, а это нетрудно было догадаться по его лицу, то постучал костяшками пальцев:

– Отец, разреши войти.

– Чего разрешать, если пришёл, то и входи! – сказал радостным голосом Вождь.

– Ведь ты же звал меня, отец. Я не самовольно пришёл.

– Так заходи, сын. У меня сегодня весь день мысли только о тебе, будто боль от болезни – не проходит. Она всегда, эта боль, о тебе тупо ноет во мне – и в тишине, и в уединении, не оставив, как разбереженную рану. Снова вспомнил о сыне всем сердцем и почувствовал эту страшную опасность для России – пьянство. И по настоящему стало стыдно, что эта опасность исходит от него, поскольку Василий его сын – не Берии, не Маленкова и не Молотова. Это его сын.

В это победное время 1945 года ни дождь, ни туман не надоедали, хотя всё расплывалось в непогоде, делалось призрачным – и, казалось, всё кругом, со всеми домами, улицами и людьми, растворится в тумане и забудется людьми до солнечных дней в новом мирном году.

Василий вошёл. Стоял перед отцом, будто остолбеневшим. Перед ним промелькнули два лица. Одно – чужое и страшное, как мёртвая маска. И родное, милое, каким он помнил отца в раннем детстве.

– Здравствуй, Василий! Наконец-то вижу тебя с превеликим удовольствием и радостью. Наконец-то свиделись как подобает.

Василий почувствовал знакомое с детства прикосновение небритых щёк отца и запах крепкого и сладкого табака «Герцеговины Флор», увидел родные глаза, обрамлённые мелкими морщинками, немного лукавую улыбку на губах под усами. И неуловимый запах мандаринов – Василий помнил этот запах, сопровождаемый его повсюду, чуть перемешанный с потом отца. Но вот что удивило Василия, так это то, что, ни слова не говоря, отец усадил его за стол, сервированный на двоих и чокнулся с ним рюмкой за Победу. А он всё ещё робел, не мог прийти в себя, не верил своим глазам и ушам. Но отец говорил с ним так просто и весело, что оставалось ему не доверять происходящему. У Василия голова кружилась от выпитого, сердце то замирало, то билось так, что, казалось, вот-вот разорвётся, а он сейчас умрёт от радости, что отец любит его. Пусть на мгновение. Пусть при встрече лишь проявились его чувства, но любит и, значит, любил.

Появился Власик. Отсиживался в своём углу, не хотел вмешиваться в чужое дело, как в своё, и сразу без длинных разговоров заявил Василию:

– Не надо бы пить на глазах отца, он примет это тяжело и заболит напастью о тебе, – только и заметил и как-то вдруг заспешил куда-то пропасть, засуетился – и пропал. Что-то промелькнуло между ними, двумя генералами, наверное, жалость старика к молодому. Но и что-то не оставило отцу и сыну ни одного мгновения на то, чтобы Василий не мог дать себе отчёта о любви к отцу.

А отец, успокоенный примирением с сыном, продолжал мечтать о новом правлении в государстве: не разрушать выстроенное, а с теми же людьми, которые не подвели его в войне, выстраивать что-то новое, подсказанное чужой историей с добавлением чисто русской, похожей на варварство германских племён, одолевших Рим, опричниной против собственного народа, гнуть своё – охранять себя в собственной власти такими же упырями, как Малюта Скуратов (настоящее имя – Григорий Бельский), который был одним из руководителей опричнины. Своё прозвище он получил за свой малый рост. В опричнину был принят на самый низший пост параклисиарха (пономаря). Однако сумел быстро возвыситься, «истребляя крामолу, гнездившуюся в Русской земле, преимущественно в боярской среде». Иван Грозный сделал его одним из своих приближенных. Малюта с опричниками совершал налёты на дворы опальных вельмож, отбирая у них жён и дочерей «на блуд» царским приближенным. Одной из самых известных карательных операций Малюты Скуратова была его экспедиция в Новгород. 2 января 1570 года опричная армия окружила Новгород. Малюта Скуратов вёл дознания с неслыханной жестокостью. Были вырезаны тысячи жителей. В народе появилась пословица «Не так страшен царь, как его Малюта». Некоторые историки считают Малюту Скуратова убийцей митрополита Московского и всея Руси Филиппа Московского.

Скуратов погиб в бою 1 января 1573 года, лично возглавив штурм крепости Вейсенштейн (ныне Пайде). До настоящего времени захоронение не сохранилось.

Федор Басманов был сыном другого известного опричника – Алексея Даниловича Басманова. Есть исторические свидетельства, в частности рассказы иностранцев, о том, что Федор Басманов был любовником царя Ивана Грозного. Что не удивительно, если время соединим наложением одного на другое – что удивительного? Ничего! Вместе с отцом участвовал в отражении татарского наступления на Рязань в 1564 году, о чем ими были отправлены донесения царю, за что Алексей и Федор Басмановы были отмечены золотыми наградами. В 1566 году Федор Басманов получил чин кравчего.

В 1569 году командовал опричными войсками на юге. Около 1570 года, когда его отец, видный боярин и военачальник, один из инициаторов опричнины, впал в опалу, то, по сообщению князя Андрея Курбского, Федор его убил.

В 1571 году, предположительно, был казнён Иваном IV или же сослан с семьёй на Белозеро, где умер в одной из монастырских тюрем.

Князь Афанасий Вяземский был одним из любимцев Ивана Грозного. После падения Адашева и Сильвестра пользовался неограниченным доверием своего государя, который только из его рук принимал лекарства, приготовленные царским доктором Ленсеем, и с ним только совещался о своих тайных планах. Во время кровавых расправ Вяземский вместе с Малютой Скуратовым стоял во главе опричников. В 1570 году, после новгородского разгрома, он вместе с Федором Басмановым и многими боярами и дьяками был обвинён в том, что вёл переговоры с новгородским архиепископом Пименом, замышляя предать Новгород и Псков Литве. Афанасий Вяземский умер во время пыток.

Князь Михаил Темрюкович Черкасский был кабардинским мурзой, прошедшим обряд крещения. В Московию князь прибыл в 1558 году вместе со своим старшим братом Булгеруком. По приказу отца принял крещение и получил статус удельного служилого князя.

В 1559 году Черкасский отличился в боях против крымских татар. Породнившись с царем через сестру Марию, князь Михаил Черкасский приобрёл силу и влияние при дворе. Черкасский женился на пятнадцатилетней дочери боярина Василия Михайловича Захарьина-Юрьева, а от царя получил в своё владение громадные земельные угодья – вотчины вокруг города Гороховца по рекам Оке и Клязьме. Иван Грозный несколько раз то отбирал у брата своей жены все его богатства, то возвращал и наделял новыми.

С сентября 1567 года Черкасский упоминался в числе опричников. Михаил Темрюкович как опричник лично принимал непосредственное участие в истязаниях и казнях мнимых и действительных царских врагов. Черкасский был казнён в мае 1571 года якобы за измену. По одной из версий, его посадили на кол.

Андрей Петрович Хованский известен как предок всех князей Хованских, живших после 1625 года. Лучше других известен его внук Иван Андреевич Хованский, являвшийся предводителем стрелецкого мятежа, получившего название Хованщины.

В апреле 1564 года Андрей Петрович Хованский был отправлен первым воеводой в Брянск. В июле 1565 года – первый воевода в Дорогобуже, а в октябре был отправлен на реку Оку, чтобы караулить 60-тысячное крымско-татарское войско, уходившее из Рязанской земли через Тульскую, чтобы не допустить разорения белёвских и козельских волостей. Позднее Хованский становится наместником в Пронске, первым воеводой в Калуге. В 1577 году – второй воевода полка правой руки на берегу в Тарусе, «по вестем». Осенью стоял во главе сторожевого полка в Коломне. В 1578 году – первый воевода в Кукейносе. Андрей Петрович Хованский скончался в 1579 году.

Этот пяток высокопоставленных опричников наглядный пример того, что опричнине, то есть преступной власти служить все готовы да ещё и исправно, добиваясь заметности и повышенного положения. И не заботясь о том, что кара их настигнет непременно. Лишь один из них, Андрей Петрович Хованский скончался своей смертью, без насилия на своём московском подворье. Да Малюта Скуратов погиб в бою, возглавляя штурм крепости в Лифляндии. Трое остальных, при жизни были в почёте у царя, но не осторожны в своих взглядах и поведении. И им пришлось жестоко поплатиться за свои прегрешения перед Иваном. Уж как ни преданы были царю Басмановы, отец и сын, но ведь убил Фёдор Алексея, как только Алексей впал в опалу к Грозному. А сам-то не спасся этим и со всей своей роднёй был сослан на Белозеро, где умер в заточении в монастырской тюрьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.